

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

А П Р Ъ Л Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи В. Плавильщикова.

г 8 2 0 .

Печаташь позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Апрѣля 19 дня, 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Тилковской.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

спран'

I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

О правленіи и законодательствѣ Рим-
лянъ, начиная отъ Ромула до уни-
чтоженія царскаго достоинства. . . 1.

II. ВОСПИТАНІЕ.

О Гимнастикѣ. 16.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

а) Изящная проза. Зюлима (Повѣсть) 34.

Европейскія Письма 41.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Тайная грусть 57.

Къ М. К. Кюхельбекеру 58.

Посланіе къ Н. М. Я. 60.

Романсѣ. 62.

Слабая сторона 63.

Не здѣшняя гостья. 65.

Кюхельбекеру 66.

Утренняя Молитва. 67.

Мадригалѣ 68.

Къ Прелестницѣ —

II

Прохожій и рѣка (Басня)	стр. 69.
Эпиграммы: 1 и 2	71.

IV. И з я щ н ы я И с к у с с т в а .

О новѣйшей музыкѣ (<i>продолженіе</i>)	72.
--	-----

V. К р и т и к а .

Разборъ разсужденія о прекрасномъ въ швореніяхъ разума.	84.
--	-----

VI. С м ь с ь .

Онъ много общаетъ	96.
-----------------------------	-----

Жизнь Веніамина Веста	98.
---------------------------------	-----

Разныя извѣстія: Иностранная Сло-

весность	101.
--------------------	------

Художества	106.
----------------------	------

Музыка	108.
------------------	------

Любопытныя извѣстія	109.
-------------------------------	------

Русскій Театръ.	111.
-------------------------	------

VII. Политическія новости.	113.
------------------------------------	------

I. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О Правлении и Законодательствѣ Римлянъ, начиная отъ Ромула до уничтоженія Царскаго достоинства.

Исторія повѣствуетъ, что Римъ построенъ скопищемъ разбойниковъ, собравшихся подъ предводительство Ромула, которой изъ атамана содѣлался великимъ героемъ, мудрымъ законодательемъ. Положивъ основаніе сему городу, онъ присоединилъ къ себѣ многія сосѣдственныя племена и побѣдами и договорами. Союзъ ордѣ — народовъ полудикихъ, вступающихъ въ гражданское общество, бываетъ ужасенъ въ нападеніяхъ: бѣдность и привычка подвергать при грабежахъ жизнь опасности, дѣлають ихъ неуспрашиваемыми, и Ромуль умѣлъ поддержать въ нихъ сей духъ мужества и отважности. Они любящъ свободу, и при немъ прежде нежели у другихъ народовъ произошла *новый слѣженный образъ гражданского устройства*. Вся исполнительная власть находилась въ рукахъ Царя, съ которою вмѣстѣ онъ былъ и главный правитель и судія, — Монархъ; Сенатъ, соспоявшій изъ спа челоувѣкъ *отцовъ* составлялъ подъ

его предсѣдательствомъ Совѣтъ — это Аристократія; а народъ предлагалъ и утверждалъ законы, рѣшалъ о мирѣ и войнѣ и назначалъ публичныхъ чиновниковъ. Онъ раздѣленъ былъ на три поколѣнія, изъ коихъ каждое заключало въ себѣ десять Курій. По онымъ-то собирались Квирипы практовать о дѣлахъ общеслвенныхъ. Такъ происходилъ въ Демократіи; и всѣ сїи власти въ Римѣ сначала были уравновѣшены: ни Царь, ни Сенатъ, ни народъ не могли учреждать и поспановлять законовъ безъ общаго утвержденія и согласія.

Опыты ли вѣковъ минувшихъ, или одинъ случай споспѣшествовалъ къ учрежденію сего образа правленія, на которомъ созидалось могущество Римлянъ? Они спустились въ общество, дабы взаимными силами удовлетворить склонности къ хищничеству, и тогда могли ли имѣть споль высокое понятіе о гражданскомъ устройствѣ? Они развернули въ себѣ только желаніе къ обладанію, и будучи равно опажны и умножая свои пріобрѣтенія, кажутся, слѣдовали простому правилу: силами всѣхъ присвоено — надлежитъ всѣмъ и пользоваться; такимъ образомъ опажныя ими земли раздѣлены были на равныя участки. Не было богатыхъ, не было бѣд-

ныхъ; и если справедливо говорить Монпешкьё, что Демократія отыскана въ лѣсахъ, то не мудро было произойти такому правленію у Римлянъ, кошораго основаніе было чисто Демократическое. Склонность ихъ и самый навыкъ безпреспанно вести войну содѣлали для Римлянъ необходимымъ имѣть вождя — Царя. Но они его учинили только главнымъ спражемъ своей безопасности, или, такъ сказать, онъ былъ эхо воли Квириповъ. Уваженіе къ спарѣйшимъ свойспвенно и всѣмъ народамъ дикимъ: опытность ихъ предводити къ побѣдамъ и изрекаетъ судъ правый; — изъ нихъ-то составился у Римлянъ Сенатъ, а народъ движимый общими выгодами, равно наслаждающійся собственностію, возбужденный однимъ желаніемъ распросстраненія границъ и безпреспанно занятый войнами, собираясь въ частныхъ собраніяхъ при малочисленности своей и равномъ довольствѣ могъ пребывать покойнымъ безъ внипренныхъ попрясеній, между-усобныхъ мяпежей. Онъ, кажется, самъ удивился себѣ, когда дошелъ до той степени, что всѣ окреспные народы шрепепали его и искали съ нимъ союза, а сдѣлавшись многочисленнымъ, ему не возможно было не имѣть публич-

ныхъ чиновниковъ, копорымъ онъ самъ назначилъ должности, опредѣлялъ права и границы ихъ власти.

Такимъ образомъ рождались различныя отношенія, успановилось правленіе и обычаи первоначальнаго Рима — посѣяно сѣмя его величія. Онъ уже въ основаніи своемъ былъ тѣмъ, чѣмъ счасіе и духъ народный содѣлали его въ послѣдствіи — древо произросло и покрыло своими вѣтвями вселенную. Самое его начало носило уже на себѣ печать, на которой изображено: удивляйся опдаленное попомство.

Первоначальныя гражданскія постановленія Рима, изданныя при Ромулѣ, касающія главныхъ отношеній общежитія. Онъ вручилъ совершенную власть родителямъ надъ дѣтьми, спарался изкоренить развратъ и поощрялъ ко вступленію въ супружества; безъ нихъ не существуетъ твердой связи въ обществѣ, которое есть соединеніе семействъ: законы Ромула назначали предѣлы власти мужей, излагали причины развода. Ни что не умягчаетъ столько дикость, какъ земледѣліе, и учрежденія Ромула относились къ тому, чтобы распространить оное и изгнать ремесла безполезныя. Онъ зналъ какъ сильнѣе дѣйствовать на воображеніе, дабы въ

несчастіяхъ успокоить умы и дать пищу любопытству, и успановилъ плищегадатель; но сіе, вѣроятно, было имъ заимствовано изъ обычаевъ глубокой древности. Послѣдніе дни своего царствованія Ромуль обезславилъ тиранствомъ; — онъ хотѣлъ сдѣлаться самовластнымъ, можетъ бытъ и война вдохнула въ него жестокость, и воскормивъ дѣтей Марса сей брашоубійца умеръ насильственной смертію.

Послѣ него цѣлой годъ продолжалось междуцарствіе. Каждый изъ Сенапоровъ по очереди чрезъ пять дней занималъ мѣсто Царя. Но народъ увидѣлъ тирановъ и требовалъ одного непремѣннаго Государя. Избирается онымъ Нума Помпиль, и Римляне какъ бы перерождаются: вѣчный огонь, возженный имъ въ храмѣ Весты, испребивъ въ сердцахъ ихъ кровожадный духъ, воспалилъ въ нихъ добродѣтели мира и чистоты душевной. Такъ, Нума Помпиль преобразовалъ Римлянъ Вѣрою. Введенные имъ обряды возвысили ихъ души. Храмъ Януса, Оракулы, учрежденіе вышшихъ духовныхъ чиновъ, почтеніе непорочности въ образѣ дѣвъ — Веспалокъ, обоготвореніе различныхъ добродѣтелей, освященіе рубежей, для прекращенія споровъ установленіемъ Бога Термина: все способ-

спивовало заглушити чувствва раздоровъ ,
 умягчити нравы и содѣлать Римлянъ об-
 разцами справедливости. Законы Нумы
 были законами божества, и народъ съ бла-
 говѣйнымъ препеномъ внималъ имъ , и
 пребывалъ покойнымъ — занимаясь улуч-
 шеніемъ образа жизни и наслаждаясь пло-
 дами прежнихъ своихъ побѣдъ.

Но непрерывный миръ могъ бы со-
 вершенно погасити мужество въ сердцахъ
 Римлянъ: прежній ихъ духъ послѣ сладост-
 наго усыпленія начиналъ просыпаться. Они
 жаждали новыхъ пріобрѣшеній, и желали
 шествовать къ онимъ по дорогѣ усплан-
 ной лгруппами побѣжденныхъ сосѣдей. Римъ
 основался насиліемъ и могъ поддержать
 себя только войнами. Римляне это чув-
 ствовали, и по смерти Нумы избранъ въ
 Цари Тулъ Госпилій — Государь воин-
 ственный. Онъ, кажется, вмѣщалъ въ себѣ
 духъ Ромула и старался подражать Нумѣ.
 Онъ водилъ Римлянъ къ побѣдамъ и умно-
 жалъ Богослужebные обряды. — Могуцество
 Рима возраспало извнѣ — но внупри въ пѣ-
 слѣднее время царствования Тулла народъ
 былъ пораженъ ужасами, копорые произ-
 вели мнимыя чудеса , голодъ свирѣпство-
 валь и повергалъ въ опчаяніе. Это почи-
 тали наказаніемъ Боговъ , и опъ заня-

пїя войны всѣ снова начали желать мирнаго царствованїя: восходящїи на престоль Анкъ — Марцій и добродѣтели Нумы воскресають. Но происшествїя скорѣ дали разумѣть, что для народа не довольно однихъ установленїи набожности. Границы подвержены спали нападенїямъ Лапинъ, и Анкъ — Марцій чрезъ Феціала отъ имени народа и Сенапа объявилъ имъ войну — и Лапины были побѣждены.

Воинская слава Анкъ — Марція равняется съ достопамятносїю гражданскихъ его постановленїи. Имъ учреждены соляныя варницы и построены шюрмы для преступниковъ.

Съ сего времени, кажется, и проницательства начинаютъ дѣлать въ Римѣ успѣхи. Тарквинїи Древнїи — чужестранецъ, достигаетъ престола единственно по богатству. Щедростїю своею онъ умѣлъ привлечь значительныхъ гражданъ, и чтобы болѣе успокоить недовольныхъ, изъ шѣхъ, которые ему казались сильными, сдѣлалъ еще 100 человекъ Сенаторами, возведя ихъ прежде въ достоинство Паприціевъ; число Веспалокъ онъ умножилъ отъ 4 до 7, и учредилъ общенародныя игры. Впрочемъ правленїе его было основано на благоразумїи и утверждено самыми побѣдами. Пышность

его придавала ему величество; онъ носилъ золотую корону и порфиру, пронъ его сдѣланъ былъ изъ слоновой кости, а скипетръ украшенъ изображеніемъ орла. Получивъ пресполь хипроспїю и спяжаніемъ — онъ былъ умерщвленъ дѣльми Анкъ-Марція.

Произошло весьма ошупительное неравенство соспояній, и при преемникѣ Тарквинїя Древняго, Сервій-Туллїй, Паприціи-богашые, подавили народъ. Онъ возведенъ былъ въ достоинство Царя по ушверженїю Сенапа, безъ согласїя народа. Это былъ первый шагъ къ Аристокрапическому правленїю въ Римѣ, которое долго сущесшвовало и во время Республики. Вопъ какимъ образомъ Сервій-Туллїй измѣнивъ учрежденїя Ромула довершилъ паденїе Демокрапїи въ Римѣ во времена Царей. Народъ съ самаго основанїя Рима несъ равныя нягосши съ Паприціями. Сервій-Туллїй подъ видомъ, чпо подати должны бытъ соразмѣрны соспоянїю, предложилъ — и народъ допустилъ учинить общую перепись, по которой тогда опкрылось въ Римѣ до 80,000 человекъ способныхъ къ войнѣ, и соопвѣпспвенно имущесшву, онъ раздѣлилъ Римлянъ на Ценшурїи, заключавшіяся въ ше-

спи разрядахъ. Въ первой внесены были Сенаторы съ ихъ родами — Паприціи и коихъ имѣніе простиралось до спа минъ; въ сей спашь было 80 Ценсурій; второю разрядъ содержалъ въ себѣ шѣхъ, кои объявили собственности на 75 минъ и въ ономъ считалось 20 Ценсурій; въ третій включены были имѣющіе до 50 минъ и оный состоялъ такъ же изъ 20 ценсурій; къ четвертому присоединены были граждане, коихъ имущество простиралось до 25 минъ, и въ немъ было равнымъ образомъ 20 ценсурій; къ пятому, кои имѣли $12\frac{1}{2}$ минъ и шаковыхъ считалось 30 ценсурій; и наконецъ въ шестой степени одна ценсурія, которая была полною самыхъ бѣдныхъ гражданъ, освобожденныхъ отъ податей и самой войны. Къ первому разряду причислялось еще 18 ценсурій конницы и двѣ ценсуріи, коимъ поручено было возить военныя машины; а во второй приписаны были двѣ ценсуріи воинскихъ художниковъ и двѣ ценсуріи прубачей.

Такимъ образомъ весь народъ Римскій раздѣленъ былъ на 193 ценсуріи, изъ коихъ каждая состояла подъ предводительствомъ одного Ценсуріона, и подати наложены были не поголовно, но каждая цен-

пурія вносила опредѣленное для нуждъ общеспвенныхъ. Послѣднія ценпуріи были многочисленны и бѣдные граждане платили самую малую подашь — за то были лишены правъ своихъ. Учреждено, чпобъ народъ собирался и изъвлялъ согласіе уже не по Куріямъ, гдѣ каждый особо имѣлъ голосъ, но по ценпуріямъ внѣ города, на полѣ Марсовомъ. И какъ поспановлено было, чпобъ первый разрядъ подавалъ свое мнѣніе прежде другихъ, и въ ономъ заключалось 98 ценпурій, то ежели Сенаторы и Паприціи на что были согласны — это соспавляло большую половину голосовъ и оспальныя ценпуріи даже не были уже и спрашиваны. Симъ по образомъ народъ лишился права войны и мира, права избирать чиновниковъ и судить преспупленія. Одни Сенаторы и Паприціи соспавляли все. Конечно народъ буень, своецравень, рѣдко разбираеть что хорошо и справедливо, а будучи бѣдень онъ не запрудняеться даже и продаватъ свое согласіе. Но это происходитъ болѣе шогда, какъ онъ уже развратился, или до сего доведень былъ: въ то время не шрудно поперять ему свое богатство — чиспые нравы, копорые чаще бывають удѣломъ соспоянія посредственнаго. Человѣкъ, все-

гда желаетъ чемъ нибудь пипать самолюбіе свое, и добродѣтель можетъ замѣнить ему богатство — съ нею при свободѣ онъ наслаждается чувствомъ высокаго и прекраснаго, которое рѣдко ощущаютъ тѣ, коимъ есть тысячи средствъ къ наслажденіямъ; они тогда предаются имъ вполне, насыщаются слишкомъ и теряютъ самое удовольствіе. Народъ Римскій во времена Сервія лишился уже многихъ изъ прежнихъ своихъ доблестей: онъ охотно занимался играми и прельщался пышностью; роскошь Двора введенная еще при Тарквиніи Древней, увлекла Патриціевъ: люди чаще всего подражали; но роскошь одного класса всегда предполагаетъ бѣдность другаго; и въ сихъ-то крайностяхъ богатства и бѣдности засыпаютъ часто всѣ благородныя склонности. Тогда допускающія всѣ способы пріобрѣтатъ, а бѣдные всегда могутъ быть угнетены. Такъ и народъ Римскій спалъ подверженъ сей участи и пѣмъ легче, что его можно было лишить правъ опъ собственныхъ укоренившихся въ немъ мнѣній: онъ вѣрилъ въ предсказанія ппице-гадалелей, которыми были Патриціи, и сіи могли дѣлать изъ него что хотѣли. Сервій не допронулся до права народа выбирать какъ

прежде по Куріямъ: Фламинювъ — жрецовъ Юпиперовыхъ, Марсовыхъ, Ромуловыхъ и самаго великаго Куріона.

Сія перемѣна произведенная Сервіемъ произошла, кажется, отъ того болѣе, что онъ желалъ утвердиться на пресполѣ, на который не имѣлъ совершеннаго права, а сего не возможно было ему сдѣлать не угождая Паприціямъ, хотѣвшимъ такъ же властвовать. При немъ состоялись и многіе гражданскіе законы: о гражданствѣ вольноопущенныхъ, о незаписанныхъ въ гражданскую перепись, о судопроизводствѣ, о контрактахъ и преступленіяхъ. Умноженіе законовъ есть признакъ споровъ и несогласія. Оно поселилось въ самомъ семействѣ Сервія и повело къ перевороту послѣ происшедшему въ Римѣ. Дочь его Туллія умертвила своего мужа для того, чтобы соединиться бракомъ съ Тарквиніемъ, которой лишилъ жизни жену свою — родную сестру Тулліи. Власполобіе, коварство и гордость воспоржесловали и открыли дорогу еще къ большому злодѣйству: Тарквиній въ Сенатѣ закололъ кинжаломъ Сервія — Царя и отца первой и второй своей супруги, а законопреступная Туллія съ презрѣніемъ среди многочисленной толпы переѣхала колесницею

пруппь опца — и Римляне — Сенапоры и народъ были зришелями сего злодѣйства, и Римляне допустили царствовать Тарквинія. Кажется, что только носился пайный ропотъ, но онъ заглушенъ былъ самымъ ужасомъ преступленія.

Тарквиній Гордый умѣлъ привлечь на свою сторону войско и утвердился на престолѣ, не будучи избранъ ни Сенапомъ ни народомъ. вмѣстѣ съ собою онъ воцарилъ совершенно воинскій деспотизмъ. Угнетая народъ, пѣснишь вельможъ, было его правило; первый не имѣлъ уже никакихъ собраній, а Сенапъ лишился всей своей силы и влїянія въ правленіи: многіе Сенапоры были сосланы, другіе умерщвлены. Спрахъ предшествовалъ всѣмъ дѣянїямъ Тарквинія и угнѣбленный народъ не смѣлъ явно роптать на лишеніе правъ своихъ: его посылали въ каменоломни, занимали тяжкими работами, и онъ съ покорностію исполнялъ волю ненавидимаго пѣрапа въ ожиданіи случая свергнушь иго. Сей неожиданно приблизился: сынъ Тарквинія, Секспъ, опнимаетъ честь у знаменитой Римлянки Лукреціи. Добродѣтельная созываетъ всѣхъ родспвенниковъ и друзей своего дома, рассказываетъ происшествіе и — вонзаетъ кинжалъ въ

грудь свою, умоляя объ опмщеніи. Прежде казавшійся сумасшедшимъ Брупъ, котораго отецъ и братъ лишены были жизни Тарквиніемъ, вырываетъ оный, и показывая его съ дымящеюся кровію, первый клянется опмспилъ пиранамъ; — предспоящіе ему послѣдуютъ. Брупъ приходитъ въ Римъ и какъ бы вдохновенный силою краснорѣчія движетъ умы: всѣ поражаются зрѣлищемъ несчастной, и приговоръ изгнать Тарквинія съ семействомъ былъ совершенъ, прежде Сенаторомъ и гражданами, а потомъ и войскомъ.

Такъ кончилось въ Римѣ правленіе Царей, и на мѣсто ихъ избраны были изъ сословія Сенаторовъ два ежегодно смѣнявшіеся Консула.

Правленіе Царей положило основаніе величію Римлянъ. Ромуль соиворилъ изъ нихъ воиновъ, Нума Помпильй гражданъ. При Тарквиніи Древнемъ началось ихъ развращеніе. Оно дошло до высокой степени при Гордомъ. Произведенный Брупомъ переворотъ поддержаль уже клонившійся къ упадку сей раждающійся Колоссъ, явились случаи къ раскрытію способностей: Плебеяне старались возвратитъ права свои и началась брань народнаго буйства съ

припѣсеніемъ Ариспокраповъ; — Римъ испыталъ всѣ роды правленій. Отсюда-породились пѣ законы, копорые названы *разумолѣ*. Римляне чрезъ двѣ тысячи лѣтъ какъ бы воспали изъ гробовъ своихъ и мудрыми учрежденіями покорили Европу.

Сниткинъ.

II. ВОСПИТАНІЕ.

О Гимнастикѣ. (*)

Gymnastica in corpore sano bonum
Habitum generare conatur.

Mercurialis.

Человѣкъ превосходно созрѣваетъ подѣ счастливымъ климатомъ, въ безыскусственномъ состояніи Природы; безъ труда совершается надъ нимъ древнее желаніе педагоговъ, чшобъ здравый умъ обиталъ въ здоровомъ тѣлѣ. Оплочная тѣлесная сила, удивительная ловкость членовъ, высокое мужество, необыкновенная оспропа чувствъ, радостное сознаніе полного здоровья, зрѣлый умъ — вопъ качества, которыя дѣлають счастливымъ грубаго сына Природы. Всѣ движенія его сильны и легки; онъ упомяетъ звѣрей въ продолжительномъ, скоромъ бѣгѣ; опасность смерти не въ состояніи поколебать его мужества; онъ прошивуспоитъ всѣмъ мученіямъ съ швердостію духа, которой приводитъ насъ въ содраганіе; легко переноситъ

(*) Извлечено изъ классическаго шворенія Гутсмуса: *Gymnastik für die Jugend.*

сипъ всякую непогоду, побѣждаетъ опасности мяшущейся природы; самая жена дикаго, самое дупя его играешъ въ волнахъ моря; или посреди жесточайшей борьбы стихій. Тысячй извѣспій эпо намъ подпверждають. Доспойно примѣчанія, что между дикими нѣтъ калекъ и уродовъ; но еще гораздо примѣчательнѣе идеально — красивый ростъ ихъ. Знаменипый Американецъ Беньяминъ Веспъ, Президентъ Лондонской Академіи Художеспвъ, рассказываетъ слѣдующее: „Славнѣйшіе знапки искусствъ въ Римѣ, въ сопровожденіи которыхъ я посѣщаль святилище художеспвъ, любопытспвовали посмотрѣшь, какое впечатленіе произведешъ на Американца превосходнѣйшее произведеніе образовательнаго искусства (стапуя Вашинганскаго Аполлона). Увидя въ первый разъ сей идеаль мужеской красоты, я вскричаль съ изумленіемъ: какъ похожъ на молодого Могакскаго воина! — Всѣ знапки вознегодовали на меня за шакое — по ихъ мнѣнію — нелѣпое восклицаніе; но я увѣриль ихъ на самомъ дѣлѣ, какое сходспво находипся между величеспвенною красотою Греческаго бога и необразованнымъ (лучше неиспорченнымъ) Американскимъ дикимъ.“ — Что же причиною сего физичес-

каго совершенства грубыхъ народовъ? — Образъ ихъ жизни, копорый заславляетъ ихъ непрестанно находишься въ движеніи, и презираешь пруды и опасности, сопряженныя съ снисканіемъ ихъ продовольствія — *Природная Гимнастика*.

Не шаковъ упонченный человекъ. Вступивъ въ область искусствъ и знаній, онъ увидѣлъ тысячи средствъ къ легчайшему удовлетворенію нуждъ своихъ, вскорѣ предался покою, нѣгѣ, роскоши, вѣжливо-му пону, и даже фанатическимъ крайностямямъ. Сіи идолы размягчили, упончили, ипиранили его; физическая часть сдѣлалась для него не болѣе, сколько для улишки раковина, копорую она носитъ на спинѣ своей. Тѣло сдѣлалось только домомъ, и въ немъ спали жить какъ худой хозяинъ, копорый допускаетъ его разваливаться. Человекъ позабылъ думать объ усовершенствованіи своего тѣла. Слѣдствія такого состоянія сдѣлались пиягостны. Всѣ стали жаловаться на всеобщее разслабленіе особенно въ тѣхъ состояніяхъ, копорые ведутъ сидячую зашворную жизнь, на умноженіе болѣзней, на изнѣженность, слабость и неловкость тѣла. Тогда нѣкопорые мудрые народы древности нарочно успановили тѣлесныя упражненія

вмѣсто прежней природной Гимнастики, чѣмъ уменьшивъ тѣ вредныя слѣдствія и придать тѣмъ гражданину болѣе силы и ловкости. Это было поводомъ къ искусственной Гимнастикѣ. Вскорѣ принаровили ее къ различной цѣли; къ образованію воиновъ (военная Гимнастика); къ поржеспвеннымъ зрѣлищамъ (аппелическая); къ исцѣленію тѣлесныхъ недуговъ (медицинская); но настоящая для всѣхъ осталась *Гимнастика Педагогическая*.

Какъ подражательница природы, она — вмѣсто прежней школы усилій, въ копорую нужда желѣзною рукою гнала земнаго жителя — открыла мѣсто для тѣлесныхъ упражненій въ пользу благомыслящихъ гражданъ, и спаралась въ нихъ съ насиліемъ дѣлать то, что прежде Природа сама собою производила.

Мы будемъ говорить только о сей Гимнастикѣ.

* * *

Гимнастика есть система упражненій, имѣющихъ цѣлю образованіе и усовершенствованіе тѣла.

Свойство тѣлесныхъ упражненій должно быти сообразно съ цѣлю настоящаго

воспитанія. Образованные народы гнушающіяся Спартанскою Криптіею *) и безцѣловѣчнымъ искусствомъ Римскихъ гладіаторовъ. Они не хотѣли сдѣлать своихъ юношей атлетами, коимъ Гимнастика становилась единственною цѣлью жизни. Мы увѣрены, что тѣлесныя упражненія доставляють намъ здоровье а не изнеможеніе; физическую крѣпость, а не безчувственность Каннибала; увѣрены, что онѣ сдѣлають насъ зрѣлыми и мужественными, а не суровыми и необузданными. Наша Гимнастика должна быть тѣсно сопряжена съ умственнымъ образованіемъ, должна идти съ нимъ въ совершенномъ согласіи рука съ рукою, и сколько возможно уподобиться педагогическому искусству въ томъ видѣ, въ какомъ оно производилось въ Академіи Аѳинской; отвергая впрочемъ все несообразности и натяжки.

Есть много людей, копорые въ обхожденіи съ дѣтьми своими пріучили себя къ нѣжности, по истинѣ не приличной даже

(*) Спартанцы имѣли тайной законъ противъ Илоповъ, для воинскаго упражненія юношей. Изъ нихъ выбирали самыхъ сильныхъ и неуспрашимыхъ, и посылали ихъ съ кинжалами противъ несчастныхъ рабовъ на охоту. При семъ случаѣ умерщвляли всякаго Илопа, попадавашагося въ руки.

и въ самой больницѣ. — Имъ разскажу басню :

„Обезьяны однажды просили медведей научить ихъ искусству — воспитывать дѣтей рослыми и сильными. Можетъ быть, — начала говорить мудрѣйшая изъ обезьянъ-матерей, — можетъ быть наши дѣти отъ того вырастаютъ слабыми, что мы ихъ слишкомъ мало кормимъ; можетъ быть и отъ того, что намъ не достаетъ терпѣнія долго катать ихъ и носить на рукахъ; можетъ быть наше молоко притупляетъ или тастыя лихорадки, можетъ быть овощи разслабляютъ ихъ желудокъ, можетъ быть и самой воздухъ отправляетъ первые ихъ дни и всю жизнь. Можетъ быть — о гдѣ мы и не подумали, — можетъ быть, самое движеніе для нихъ опасно. Прыгая и лазая они могутъ что нибудь повредить у себя въ груди или въ тленахъ, и тѣмъ болѣе что наши нервы не крѣпки. — Тутъ она начинаетъ плакать отъ нѣжности, беретъ одного изъ своихъ дѣтей на руки, и такъ сильно стала прижимать его къ груди своей, что оно наконецъ задохлось.

Что же причиною слабости столь многихъ дѣтей? Можетъ быть Природа

и время? Нѣтъ, по большей части излишняя нѣжность родителей!“

Для такихъ людей нѣтъ никакой Гимнастики. Ихъ дѣши не должны ни бѣгать, ни скакать, ибо могутъ разгорячить себя; не должны выходить на холодной воздухъ, ни купаться, ибо легко могутъ подвергнуться простудѣ, словомъ, не должны упруждать свое тѣло, ибо могутъ сдѣлаться опъ того несчастными.

Мы же напропивъ желаемъ, что бы Гимнастика поощряла въ насъ обращеніе крови и укрѣпляла наши мускулы и нервы. По сему она должна приводить въ дѣйствіе либо всё тѣло, либо члены его порознь, должна требовать болѣе или менѣе усилій, но безъ напязекъ. Мы желаемъ, чтобъ она отвлекала дѣшею опъ изнѣженной чувстввенности и умѣряла физическаго чловѣка; и такъ пусть она будетъ сопряжена съ трудомъ, перпѣнемъ, пусть нарушаетъ покой нѣги, пріучаетъ упражняющагося по къ меньшей, по къ большей боли, что бы онъ научился презирать ее; пусть она подвергнетъ его погодѣ и спихіямъ, чтобъ кожа его спала прочнѣе, ибо она есть покровъ всего тѣла. Мы хотимъ, чтобъ она укрѣпляла тѣло, сдѣлала его гибкимъ и лов-

кимъ, а по тому ей надлежитъ быть въ нѣкопоромъ отношеніи искусственною. Она должна возвысить мужество, оживить присутствіе духа, возбудить и блюсти дѣятельность; слѣдовательно должна заключать въ себѣ нѣсколько и опаснаго, чпо бы тѣмъ болѣе придашь цѣны побѣжденію труда и произвеша отличную степень соревнованія. Она должна способствовать красотѣ тѣла, а потому не можетъ быть низкою работою поденщика, бременемъ, которое поршитъ спанъ человека; напротивъ она будетъ *равнолѣрно* дѣйствовать на весь составъ тѣла, или упражнять порознь тѣ члены, которые болѣе имѣющъ въ томъ нужды.

Утрежденіе нынѣшней Гимназіи.

Можно ли говорить объ изобрѣшеніи Гимнастики? Не думаю. Но можно сказать, что она произошла вмѣстѣ съ нуждами, а потому древность ея столь же далеко простирается, какъ и древность рода человеческого. Прежде, какъ и нынѣ у всѣхъ грубыхъ народовъ, не было иного воспитанія кромѣ гимнастическаго. Первоначальный видъ свой получила Гимнас-

пика опъ звѣриной ловли. Война дала ей новое назначеніе. Уже въ Гомеровоѣ Иліадѣ воины играютъ на берегу моря дикусомъ, (*) лукомъ и дропикомъ; военная Гимнастика произошла еще гораздо ранѣе. Минось обрапилъ ее въ искусство. Почти чрезъ 400 лѣтъ послѣ того она введена была въ Спарту Ликургомъ; а спустя 300 лѣтъ въ Аѣины Солономъ. Съ тѣхъ поръ характеръ ея измѣнился вмѣстѣ съ ея цѣлію; ибо она сдѣлалась главною частію воспитанія образованныхъ Аѣинянъ, будучи опредѣлена къ тому, чтобъ удерживать равновѣсіе съ умственныиъ образованіемъ: „кто прилѣжитъ къ музыкѣ (наукамъ), — говоритъ Платонъ, — поспѣе наконецъ спановится слабыиъ и женоподобныиъ.“ Сіе совершенное, Аѣинянамъ свойственное и всякой похвалы достойное воспитаніе, коего цѣль простирается далѣе, чемъ до *mens sana in corpore sano*, хотя и это уже есть, нѣчто весьма превосходное и рѣдкое въ земныхъ жителіяхъ, — сіе столь совершенное вос-

(*) Металлическій, или каменный кружокъ, хорошо выполированный и имѣвшій въ діаметрѣ около фута, а въ толщину при центрѣ отъ 3 до 4 дюймовъ.

пипаніе продолжалось въ Аѳинахъ около 200 лѣтъ отъ Солона до Сократа. (*)

Послѣ того роскошь усыпила всю склонность къ гимнаспическому воспитанію. Не входя въ дальнѣйшія историческія изслѣдованія, замѣчу только, что особенно аплепы много способствовали къ тому, чѣмъ превосходныя сами по себѣ гимнаспическія упражненія привели у всѣхъ въ презрѣніе. Самое лучшее дѣло можетъ быть испорчено, если дадутъ ему ложное направленіе. Во всѣхъ городахъ Греціи построены были для Гимнаспики публичныя зданія (Гимназіи), обширныя и великолѣпныя. Випрувій описалъ ихъ; начертанія ихъ находящіяся во многихъ древнихъ и новыхъ сочиненіяхъ. Но историческія подробности о семъ предметѣ не касаются до цѣли нашей практической Педагогикѣ. Я хочу образовать новую Гимназію; хочу показать главныя черпы гимнаспическихъ упражненій и привести ихъ въ порядокъ; — въ элюмъ состоиптъ содержаніе сей стапыи.

* * *

Не смѣю говорить о великолѣпныхъ зданіяхъ, ибо предметъ мой — воспитаніе,

(*) Слова Гашперера въ его Всемирной Исторіи.

не театральныя зрѣлища. Къ счастію оно лучше всего созрѣваетъ въ нѣдрахъ природы, если это выраженіе принять въ настоящемъ смыслѣ. Наша Гимназія пусть будетъ, сколько возможно, открытое мѣсто. Не нужно приводить здѣсь доказательства, сколько дѣйствуетъ на наше здоровье жизненная стихія, свободный воздухъ. Мы желаемъ пріучить наше юношество ко всякому вліянію погоды, и всего надежнѣе достигнемъ сей цѣли, когда послѣ продолжительнаго сидѣнія въ учебныхъ комнатахъ, выведемъ его на поприще тѣлесныхъ упражненій подъ открытымъ небомъ. Прежде всего обратимся къ народному воспитанію, и опредѣлимъ мѣсто, какъ оно должно быть само по себѣ, безъ всякаго принужденія.

Почти нигдѣ нѣтъ Гимназій или какого нибудь другаго учебнаго заведенія, которое бы не имѣло у себя открытаго мѣста; въ противномъ случаѣ заведеніе было бы недостаточное. Такое открытое мѣсто, дворъ или садъ, пусть будетъ для юношества *Гимназією* въ древнемъ значеніи. Большую часть ея должна занимать ровная, немощеная, пескомъ пшвердо усыпанная земля; другую гораздо меньшую часть пусть покрываетъ рыхлый

сыпучій песокъ. Все прочее можно сдѣлать посредствомъ орудій и легкихъ приготовленій. Тѣнь получается обыкновенно отъ самыхъ окружныхъ строеній или отъ деревьевъ, копорыя можно даже насадить, если бы сначала ихъ не было. Впрочемъ всегда нужно имѣть хопя не много тѣни. Если величина мѣста позволяетъ, то деревья можно насадить кругомъ сплошно къ огородкѣ или въ распоянїи отъ оной на 10 и болѣе фушовъ. Между симъ рядомъ и огородкою всего мѣста находился бы бѣгъ (stadium). Если площадь была уже гошовая, въ такомъ случаѣ длина бѣга опредѣлилась бы по окружности площади; въ случаѣ произвольнаго распоряженія и при достаткѣ мѣста все можно учредить гораздо лучше. Впрочемъ бѣгъ непременно долженъ быть вымѣренъ; а потомъ уже вычислишь, сколько круговъ придется на Нѣмецкую милю, считая оную въ 22842 Парижскихъ фушовъ. Во внутреннемъ деревьями окруженномъ пространствѣ должны быть искусно размѣщены немногя орудя, нужныя для тѣлесныхъ упражненій. О бассейнѣ для плаванья, копорый бы находился подлѣ самой площади, я на сей разъ умалчиваю, попому что это весьма рѣдко вспрѣчается. Припомъ же здѣсь

идеть рѣчь только о томъ, какъ учредить для пѣлесныхъ упражненій открытое мѣсто, находящееся возлѣ какого нибудь училища. При нѣкоторыхъ неудобствахъ оно всегда будетъ доспапочно для занятія юношества въ часы отдохновенія; — которые при нынѣшнихъ учрежденіяхъ по большой части проходятъ безъ пользы. — Для Гимнастики каждый день надлежитъ назначить по крайней мѣрѣ одинъ часъ.

Предположивъ, что нѣтъ никакихъ затрудненій со стороны обстоятельствъ, совершеннѣйшее учрежденіе гимнастическаго мѣста было бы слѣдующее: два ряда деревь, насаженныхъ въ видѣ продолженнаго овала, окружали бы площадь, или внутреннюю часть нашей Гимназіи, покрытую мелкою травою, или землею, болѣе мягкою, нежели твердою. Сія аллея образовала бы бѣгу, который, если можно, учредить такимъ образомъ, чтобы онъ, будучи вымѣренъ близъ пней внутренняго ряда деревьевъ, составлялъ опредѣленную часть Нѣмецкой мили, большую или меньшую, смотря потому, какъ пространна должна быть Гимназія соотвѣстственно числу воспитанниковъ. По моему мнѣнію самая удобная мѣра бѣга есть приращеніе вторая доля мили (714 Парижск. фут.)

либо двадцать осьмая (8 1/6 фут.) По психологической причинѣ не совѣшную располагашь бѣгъ длиннѣ сей мѣры. Если бы число учащихся было такъ велико, что бѣгъ означенной мѣры слишкомъ бы спѣснялъ внутреннюю площадь, тогда бы я расположилъ его не вокругъ оной, но гдѣ нибудь на споронѣ. При меньшей мѣрѣ изъ 7 1/4 футовъ внутренняя площадь была бы довольно просторна, именно на 225 фут. въ длину и на 198 фут. въ ширину. — Определительная мѣра бѣга имѣеть шу выгоду, что посредствомъ оной тотчасъ можно знашь, сколько каждый пробѣжалъ. Ширина бѣга не пребуеть точной мѣры. Не нужно также, чтобы земля была совершенно ровна; она можетъ попеременно низпадать и возвышаться; для бѣгающихъ это даже облегчительно.

Учрежденіе внутренней Гимназіи во многомъ зависить отъ произвола. Каждый родъ упражненій можетъ имѣть собственное мѣсто. Нѣкоторымъ нужно быть въ пѣни, особенно инымъ родамъ равновѣсія (балансируваніи) и громкому чтенію, при коемъ глаза легко бы могли быть ослѣплены отъ сіянія солнца. Другія занятія производятся на-свѣшу. Если различные роды каждаго изъ главныхъ упражненій распо-

ложивъ на одномъ мѣстѣ, по можно легче обозрѣвать все число воспитанниковъ и постепенность ихъ успѣховъ. Впрочемъ много такихъ упражненій, которыя не могутъ имѣть постояннаго мѣста, потому что онѣ либо производятся во все безъ орудій, либо не пребываютъ орудій, укрѣпленныхъ на одномъ мѣстѣ. Таковыми занятіямъ можно назначать мѣсто, гдѣ угодно, смотря по ихъ роду. Нужно и полезно учредить систематической курсъ *Гимнастики*, такъ что бы воспитанники отъ одного рода упражненія переходили къ другому труднѣйшему, сколько позволяеть назначенное время. Есть много причинъ, коими можно руководствоваться въ распоряженіи такого курса: на примѣръ сперва начинать легкими упражненіями, потомъ мало по малу переходить къ такимъ занятіямъ, кои пребываютъ большаго напряженія силъ, и оканчивать опять легкими, которыя бы непримѣтно успокоивали шѣло.

Касательно распоряженія я предпочитаю то, въ коемъ роды упражненій представлялись бы болѣе въ смѣси. Вотъ примѣръ. Прямо прѣшивъ входа въ Гимназію, вдоль внутренняго ряда деревьевъ, расположивъ все нужное для упражненія въ

равновѣсїи: длинный, круглый, на землѣ твердо лежащій *пень*, подлѣ него рядъ *балансныхъ столбовъ*, далѣе *балансную доску*, попомъ *бревно*. Въ маломъ отдаленїи утвердишь *столбъ* — чѣмъ въсползывать, за нимъ *ровъ* — чѣмъ перепрыгивать. По другую сторону должны найдись *поперечный шестъ* для упражненїя рукъ, за нимъ канатъ, чрезъ который перепрыгиваютъ; подлѣ сего размѣришь пространство для *повторяемаго скатка*, за нимъ мѣсто для *скатка вверхъ* безъ шеста и п: д: Само собою видно, къ чему все это клонится: — къ совершенному курсу *пѣлесныхъ упражненїй*, который сперва мало по малу, а наконецъ и ежедневно слегка проходить должно. — Юноша я уважаю тебя, если ты предпочитаешь Гомера ничтожному, пустому роману, если ты достигъ вышнихъ областей *Математики*, если ты разумѣешь пять языковъ; но въпятьеро болѣе уважаю тебя, если ты сколь ненужнымъ, столь и безразсуднымъ образомъ не испратишь на нихъ крѣпости и здоровья своего *тѣла*, если будешь способенъ пользоваться *гимнастическимъ курсомъ*, и образуешь себя по *тѣмъ* славнымъ *мужамъ*, которые созрѣвали въ лучшемъ пе-

рїодѣ Греціи. Тогда, тогда только можешь сказать: „я цѣлое, не — опривокъ!“

Любезное опечество, (*) ты имѣешь много Гимназій, но къ сожалѣнію ни одной настоящей. О если бы мы всѣ обратились къ ней, не дожидаясь подъ разными опговорками, чпобъ въ какомъ нибудь иноспранномъ модномъ журналѣ показали намъ образецъ. — Чпо касается до моего образца, я бы всего лучше желалъ назначить ему мѣсто вблизи города, подлѣ озера, рѣки, либо пруда, чпо бы пѣмъ удобнѣе можно было упражняться въ плаваніи. Если бы сверхъ того находился по близости лѣсъ, либо цѣпь холмовъ; либо рядъ зданій, чпо бы укрыть Гимназію опъ вѣнїя сѣверо-воспочнаго вѣпра, тогда бы она много выиграла, равно какъ и опъ особой пристройки для безопаснаго сбереженія гимнаспическихъ орудій. — Даже среди многолюднаго города можно завести такую Гимназію; ибо здѣсь она могла бы быть украшена спашуями сильныхъ мужей и защипниковъ опечества, могла бы сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ новаго, цвѣщущаго поколѣнїя, и при одобренїи ежедневныхъ зрїшелей болѣе и болѣе рас-

(*) Авторъ разумѣетъ Германію.

проспраняла бы свои благодѣтельные дѣйствія.

Даже во время дождливой погоды и зимы юноши не должны оспаваться безъ Гимнастическихъ упражненій, ибо изъ оныхъ еспь много пакихъ, которыя могутъ бытъ производимы во внупренности зданій. Пуспой манежъ, обширная зала, усыпанная землею и п: п: для сего очень удобны.

(Продолженіе впредь.)

III. ЛИТЕРАТУРА.

а) ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

ЗЮЛИМА.

Восточная повѣсть.

Въ царствованіе Калифа Гарунъ-аль-Рашида жили въ Багдадѣ двѣ молодыя дѣвицы, которыхъ взаимная дружба была предметомъ всеобщаго удивленія. Одна изъ нихъ, Альзира, походила болѣе на райскую Гурію, нежели на проспую смершную, и своими прелестями заимѣвала всѣхъ красавицъ обширной споліцы Востока. Другая, Зюлима, не имѣла въ себѣ ничего особеннаго; одна невинность и цвѣтущее здоровье украшали ее. Но превосходство одной надъ другою не только не измѣнило ихъ чувствованій; но еще день ото дня болѣе укрѣпляло нѣжную связь ихъ. Прекрасная Альзира вскорѣ обратила на себя вниманіе сына Верховнаго-Визиря, молодого Гамеша, по которому вздыхали всѣ Багдадскія красавицы. Онъ имѣлъ мужественную, благородную осанку, и былъ надѣленъ всѣми дарами счастья. Не смотря на такія преимущества, Альзира не чувствовала къ нему никакого располо-

женія; всѣ его спаранія понравилась ей были тщетны. Зюлима не понимала, какъ подруга ея могла сопротивляться Гамешу. Взирая на красоту его, она тайно вздыхала и винила судьбу, которая отказала ей въ прелестяхъ. Какихъ средствъ не употребляла она, чтобъ привлечь къ себѣ гордаго юношу! — все было напрасно. Тогда-то Зюлима съ завистию стала смотрѣть на Альзиру, и сердце ея, доболѣ спокойное, перзалось ревностию. Къ довершенію ея злополучія, Альзира, пронутая нѣжною, неописуною любовію Гамеша, начала оказывать ему болѣе благосклонности. — Розы на щекахъ Зюлимы поблекли, и дни ея пропекали въ слезахъ и горести.

Въ одинъ вечеръ она сидѣла въ саду отца своего, погруженная въ печальныя размышленія; вдругъ сіяніе блеснуло въ глазахъ ея: она видитъ передъ собою женщину красоты неописанной; ея воздушное одѣяніе показывало, что она изъ шѣхъ благодѣтельныхъ Геніевъ, которымъ Богъ повелѣлъ хранить счастье смертныхъ. Видъ ея былъ крошечъ; но величественный, спрогій взоръ ея привелъ въ прелесть Зюлиму, и она пала ницъ предъ небесною вѣспницею. — „Встань, сказалъ ей

духъ, и не унижай себя предъ существомъ, которое, подобно тебѣ, есть твореніе Всемогущаго. Твои желанія привели меня къ тебѣ. Въ моей власти удовлетворишь ихъ; но гибель твоя будешь неизбежнымъ плодомъ слѣдствіемъ. Откажись отъ твоей славы; старайся возвратишь къ мирное счастье, которое она у тебя похищила.“

Геній умолкъ. Зюлима, казалось, не была убѣждена его словами; она молчала, устремивъ въ землю неподвижные взоры свои. — „Читаю мысль твою, продолжалъ духъ; ты не внемлешь совѣщаніямъ моимъ; да будешь же исполнено твое желаніе.“ — Онъ прикоснулся къ Зюлимѣ жезломъ своимъ. „Посмотришь, — сказалъ онъ, — въ испочникѣ, и скажи потомъ, довольна ли ты.“

Кто можетъ описать воспоргъ Зюлимы, когда она, взглянувъ въ прозрачный ключъ, увидѣла въ себѣ совершенную перемѣну, — увидѣла себя плѣнительной красавицей? — Она возвращается и благодаритъ свою благодѣтельницу: духъ исчезаетъ. Красавица въ ту же минуту летишь къ Гамешу, въ твердой надеждѣ покоритъ себѣ его гордое сердце.

Она не обманулась. Гамешъ ослѣпленный ея красою, позабылъ кляшвы, дан-

ныя Альзирѣ; онъ присягнулъ Зюлимѣ, которая съ воспоргомъ согласилась отдать ему свою руку. Къ совершенію союза недоставало только согласія Калифа; но сей подъ разными предлогами откладывалъ бракосочетаніе своего любимца. Горестъ омрачила лице Гамеша, и нѣжнѣйшія ласки милой не могли разсвѣтить его задумчивости. Зюлима примѣтила перемену въ своемъ любовникѣ; и приписывая еѣ сильной его спраспи, гордилась своею побѣдою.

Но однажды Гамешъ поспѣшно вошелъ къ Зюлимѣ; радость блистала въ его взорахъ; онъ увѣдомилъ ее, что Калифъ обѣщавъ на другой день праздновать ихъ свадьбу; „О милый другъ, вскричалъ онъ съ воспоргомъ, вѣрно ты будешь прославлять со мною великодушіе Гаруна, когда узнаешь, какое сдѣлалъ онъ пожертвованіе. Онъ любитъ себя, Зюлима; до сихъ поръ спраспи боролась въ немъ съ разсудкомъ и любовію къ правосудію; но усиліями, свойственными одной великой душѣ, онъ побѣдилъ себя — и завтра соединитъ судьбу нашу.“

Спраспный Гамешъ ни мало не обращалъ вниманія на замѣшательство Зюлимы; ослѣпясь любовію Калифа, она вну-

пренно проклинала его великодушїе. Наконецъ Гаметъ примѣпилъ ея безпокойство, и думая, что по чувство радости, чувство близкаго ихъ счастїя, оставилъ ее, общаясь притпи къ ней на другой день на разсвѣтѣ.

Зюлима, оставшись наединѣ, предалась всѣмъ мечпамъ встревоженнаго воображенїя. Какой блескъ, какїя почести ожидали ее на первомъ пресполѣ въ свѣтѣ! И ей надлежало отказатьсь отъ нихъ! Эта мысль убивала ея гордость. Она прокланала ту минушу, въ которую дала слово соединить себя съ Гаметомъ. „Какъ! — вскричала она — развѣ не позволено мнѣ избѣгнуть сего презрѣннаго союза, что бы сдѣлаться супругою Калифа?“ — „Видишь ли эполъ кубокъ, — сказалъ прїяшннй голосъ — онъ доставитъ тебѣ способъ достигнуть пвоей цѣли.“ — Удивленная Зюлима смотритъ вокругъ себя; ни одно живое существо не представляется ей взорамъ, и она почла бы сей голосъ за дѣйствїе мечпы, если бы не увидѣла на сполѣ кубокъ, налишой красновашымъ напишкомъ.

„Вели выпить эпо Гамету, — продолжалъ шощъ же голосъ, — и пы будешь обладательницею Востока.“ — Зюлима поблѣ-

днѣла и содрогнулась опъ ужаса; она оптолкнула ядовитый напитокъ; но блестящая карпина будущаго ея величїя, копораго она не могла достигнуть, какъ только смертію своего любовника, заглушила ея совѣсть. И когда на другой день Гамешъ явился къ ней со всею радостію счастливаго жениха, она подала ему дрожащею рукою кубокъ, прося его выпить за ея здоровье. Гамешъ, не подозрѣвая ничего, схватилъ кубокъ, выпилъ — и палъ мерпвъ къ ногамъ ея.

Зюлима вскорѣ почувствовала угрызеніе совѣсти; она вспомнила предсказаніе духа, копорымъ пренебрегла, которое забыла опъ легкомыслія. „О бѣдспвенный даръ! — вскричала она въ опчаянїи, — для чего я несчастная не погибла въ ту же минушу, когда дерзнула порицать судьбы Превѣчнаго, и сожалѣла о пѣхъ благахъ, коихъ премудрость Его лишила меня.“

Въ ту самую минушу явился передъ нею Геній. „Убѣдилась ли ты шеперь, — сказалъ онъ, — что Алла, не одаривъ шебя красошою, имѣлъ въ виду швое благополучіе? Суешность и честполюбіе — пороки, столь свойственные природѣ человѣческой, — были усыплены въ шебѣ, и ничшо бы не могло возбудить ихъ; но ты, ви-

новная Зюлима, раздражила Творца своего, который сохранялъ невинность и спокойствіе души твоей.“ — Зюлима хотѣла броситься къ ногамъ духа, какъ вдругъ увидѣла себя въ саду отца своего, лежащую подъ деревомъ, гдѣ она уснула, размышляя и жалѣя о томъ, что Природа не одарила ее прелестями.

Зюлима была пронута живѣйшею благодарностію ко Всевышнему, который споль чудеснымъ образомъ благоволилъ исправить ее отъ безразсудныхъ желаній. Спустя нѣсколько времени Альзира соединилась съ Гамепомъ. Зюлима спокойно присутствовала при торжествѣ ихъ бракосочетанія; и во всю жизнь свою сохраняла къ нимъ чувства непорочной дружбы.

Перев. съ Французскаго Н. Рашковъ.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ПИСЬМА.

(Продолженіе) Изъ Рима.

Письмо 9.

Читаю Тацита и благодарю Бога, что между нами нынѣ уже не можеть родиться Тацитъ: ибо не могуць родиться Нероны и Тиберіи. Какъ тщетны и безразсудны жалобы тѣхъ, которые грусятъ и горюють объ опцвѣтшихъ украшеніяхъ вѣковъ минувшихъ! Они забываютъ, что богатства прошлыхъ столѣтій не потеряны: сіи сокровища живутъ для насъ въ воспоминаніи и симъ именно лучшею жизнію, въ таинственномъ шумѣ прошедшаго: надъ ними плачетъ Элегія и онѣ драгоцѣнны, прогашельны, святы для нашего сердца; въ существенности онѣ можеть бытъ оставили бы насъ холодными, Усовершенствованіе — цѣль человечества; пути къ нему разнообразны до безконечности — (и хвала за то Провидѣнію!) Но человечество подвигается впередъ. Окинемъ только быспрымъ взглядомъ разные еепры, на коихъ выступалъ человекъ въ вѣка различнаго своего образованія, Какъ тѣсенъ, какъ малъ еепръ, на ко-

поромъ является глазамъ наблюдателя *художественное*, Греческое развитіе ума человѣческаго: Аппика, Коринѣъ, нѣкопорые города великой Греціи, Сициліи и Малой Азіи — и вопъ все! Вѣкъ Римскаго образованія, подражанія Греческому, но принявшаго силу и суровость попомковъ Ромула, дикихъ и въ самомъ просвѣщеніи, разливаешя уже надъ гораздо большимъ просипранспвомъ земнаго шара. Холодное, часто убійспвенное просвѣщеніе Квиришовъ должно было запъмиться на время нашеспвѣемъ свѣжихъ, дѣвспвенныхъ сыновъ Сѣвера, чпобы приняшь и жизнь и пламя въ ихъ теплыхъ душахъ, чпобы распроспраниться надъ всею Европою. Наконецъ и Европейцы соспарились: Провидѣніе опняло у нихъ свѣтъ, но единспвенно для того, чпобы повелѣшь солнцу испины въ лучшемъ блескѣ возсіять надъ Азіею, надъ Африкою, надъ еспспвенною преемницею Европы — Америкою.

Заслуживало ли просвѣщеніе Греческое, заслуживало ли просвѣщеніе Римлянъ и Европейцевъ содѣлаться наслѣдіемъ всего мѣра? Большая часть жипелей Эллады находилась въ самомъ жесточайшемъ рабспвѣ, между тѣмъ какъ нѣкопорые, присвоивъ себѣ исключительно названіе граж-

данъ, буйствовали и думали, что они свободны изгоняя Ариспида и повинуюсь шалуну Алкибѣаду? Въ Римѣ Капоны не стыдились бытъ ростовщиками, Цесарь былъ соумышленникомъ Капилины и назывался супругомъ всѣхъ Римлянокъ, супругою всѣхъ Римлянъ; Агриппа и Юлія могли присутствовать при ужасныхъ зрѣлищахъ, въ коихъ мечебойцы рѣзали другъ друга въ увеселеніе жестокаго народа, который называлъ себя Царемъ вселенной и перѣливо рабствовалъ безсмысленному Клавдію и чудовищному деспоти — Геліогабалу. Не говорю тебѣ уже объ Европейцахъ: раскрой ихъ Испорію и оцѣпенѣешь, подумаешь, что чипаешь лѣпописи дикихъ звѣрей. Но забудемъ частныя заблужденія: ихъ нравы вообще были мягче нравовъ Римскихъ и люди болѣе пользовались правами людей, чемъ въ Греческихъ самозванцахъ — республикахъ, и хотя обыкновенно не соблюдали правилъ нравственности, по крайнѣй мѣрѣ признавали ея Теорію.

Изъ Рима.

Письмо 10.

Между Европейскими народами ни одинъ не былъ оклейменъ такою худою

славою, какъ Ипаліянцы. Скажемъ однако же, что они почто были лучше погосмиренія, которое о нихъ имѣли ихъ современники. Всѣ почти Ипаліянцы были влюблены въ прекрасное, были влюблены въ славу своего опечесства; а любить прекрасное и славу не можетъ человекъ, совершенно опверженный Природою. Большая часть даже величайшихъ изверговъ, которые встрѣчаются намъ въ Ипаліанской исторіи, но встрѣчаются равно въ исторіи всѣхъ народовъ, большая часть изъ нихъ въ другихъ обспоятельстввахъ, вѣроятно, представляла намъ героевъ добродѣтели; ибо они были злодѣями, попому что имѣли сильныя спраспи; а человекъ съ сильными спраспиями необходимо долженъ имѣть свѣжую душу; — въ увядшемъ, слабомъ негодяѣ самая спраспи вялы и малодушны; онъ можетъ быть подлецомъ, но великимъ злодѣемъ — никогда. Европейскіе путешественники обыкновенно называли Ипаліянцевъ хипрыми, вѣроломными, обманщиками: они забывали, что между Англичанами, Французами, Нѣмцами, сколько же было обманщиковъ и клипвопреступниковъ, сколько между Ипаліанцами; они забывали, что сказалъ славный Винкельманъ, когда его въ Германіи однаж-

ды спросили: много ли въ Ипалїи мошенниковъ? „Такъ!“ отвѣчалъ онъ, „мнѣ случилось индѣ видѣть въ Ипалїи мошенниковъ; но могу васъ увѣришь, что и въ Германїи встрѣчался я съ честными людьми!“ Ипалїянцы въ продолженїи тысячи-лѣтїя не имѣли бышїя народнаго, а безъ бышїя народнаго трудно не быть коварнымъ, быть благороднымъ и прямымъ. Ипалїянцы были хитры по той же причинѣ, по которой у всѣхъ народовъ, во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ странахъ земнаго шара женщины были и будутъ хитрѣе мужчинъ: они были слабы и угнѣпаемы. Не смотря на то, что обыкновенно Ипалїянцевъ Европейскїе Писатели обвиняли въ жестокости и мстительности и изъ сего вообще выводили, что они злы; я смѣло могу сказать, что, читая ихъ исторїю, читая картины ихъ нравовъ въ ихъ романахъ и народныхъ сказкахъ, сихъ вѣрныхъ изображенїяхъ свойствъ народныхъ, я нахожу въ нихъ какое-то прогашельное добродушїе. Ипалїянецъ знаетъ свои слабости и по сему самому онъ снисходителенъ къ слабостямъ другихъ: онъ не насмѣшливъ, какъ Французъ, ибо знаетъ изъ собственнаго опыта, какъ больно быть предметомъ насмѣшки; онъ не имѣ-

есть спрососипи Нѣмца въ своихъ сужденіяхъ о другихъ, ибо не забываетъ, что ему самому нужно снисхожденіе; онъ и понышя не имбепъ о гордоспи Испанца, ибо гордоспъ въ обхожденіи съ нимъ возмущаетъ его болѣе всякой обиды; холодное пренебреженіе къ другимъ Англійскихъ эгоисповъ одно только еще болѣе можетъ ожесточить его, чѣмъ самая надменность Испанца, ибо Ипаліянецъ, сынъ пламеннаго неба, не въ соспоянїи презираетъ, онъ можетъ или любить или ненавидѣть. Французы — не девятнадцатаго и слѣдовавшихъ за нимъ сполѣпій, а осьмнадцатаго и всѣхъ предшеспвовавшихъ революціи, могли нѣкошорымъ образомъ называться дѣпьми между Европейскими народами, но дѣпьми избалованными; они сполько же были легкомысленны, сполько же жестоки, сполько же опромешчивы въ своихъ мнѣнїяхъ и сполько же нечувспвишельны, (ибо чувспвительность, истинная, неподдѣлнная, развивается въ юношескомъ возрастѣ, въ семь лѣтнемъ времени человѣческой жизни). Нѣмцы, вѣчные мечшатели, вѣчные путешеспвенники въ обласпи ппайнствъ и воображенїа, никогда въ продолженїи всей своей испорїи не доспигали зрѣлости, никогда не

пользовались твердымъ, надежнымъ гражданскимъ благосостояніемъ: дерзкіе нерѣдко до безумія въ своихъ предположеніяхъ и въ Теоріяхъ, они всегда были робки на самомъ дѣлѣ; они никогда не выходили изъ подъ опеки, попому что никогда и нигдѣ не переспавали бытъ юношами. Сѣверо-западные народы и въ особенности Англичане могли называться мужами и мужчинами между Европейцами: они жили на землѣ и въ жизни, а не въ пустыхъ пространствахъ воздуха и фантазій; они одни только долгое время исключительно наслаждались правами гражданъ и человѣковъ: но въ то же время, когда въ полной мѣрѣ владѣли всѣми преимуществами мужескаго возраста, сіи сильные племена имѣли и всѣ недостатки холодной зрѣлости — суровость, корыстолюбіе, нечувствительность. Что же касается до Испанцевъ, я уже замѣтилъ, что они въ своемъ характерѣ имѣли большое сходство съ женщинами вообще: они были спрасны, какъ женщины, они были одарены всѣми достоинствами и всѣми пороками женскими. — Сласполобивы и пылки, они въ поже время были постоянны въ любви и дружбѣ; они были чувствительны не по воображенію,

но по сердцу; были готовы жертвовать всѣмъ для того, кто умѣлъ пріобрѣсть ихъ всегда пламенную привязанность; но горе тому, кого они ненавидѣли! горе ему, если онъ нѣкогда былъ предметомъ ихъ удивленія, ихъ обожанія! они въ своемъ мщеніи, въ своей ревнивости были пиграми. Но подобно женщинамъ, они медлили ненавидѣть: ихъ сердцу больно было отказаться опъ сладосшной вѣры въ достоинство своего любимца.

Письмо і і.

Подножіе горы Этны.

15 Ноября.

Я видѣлъ развалины Неаполя, Мессины, Палермы; я видѣлъ попу волшебный, но обезславленный въ Испоріи островъ, съ коего чудовища Неронъ и Тиберій смотрѣли на цвѣтущіе берега Италіи. Я опыскивалъ тѣ мѣста, гдѣ въ 18 столѣтіи нашли подъ землею древніе Помпеи и городъ Геркулеса: нынѣ не существуетъ и самое Порпичи, построенное надъ сими подземными образчиками Римскихъ и Греческихъ городовъ, и самый Везувій уже выгорѣлъ, — здѣсь разрушеніе испре-

было самое орудіе разрушенія. Но Эпна еще горитъ и, кажется, съ большею силою, нежели когда нибудь: я наблюдалъ ее, и ужасъ и удивленіе проникнули въ сокровеннѣйшіе изгибы души моей. Не спану тебѣ описывать сего зрѣлища: его уже, можетъ быть, слишкомъ часно спарались изображать; должно самому видѣть его, чтобъ имѣть почное о немъ понятіе.

Въ Калабрїи, землѣ, копорая въ Европейской Испорїи была извѣстна грубостью и дикостью своихъ жителей, въ Калабрїи я нынѣ нашель Россійское поселеніе. Между сими выходцами много людей испинно просвѣщенныхъ и образованныхъ: они дали мнѣ самое выгодное мнѣніе о ихъ одноземцахъ. Между прочимъ я познакомился съ спаршиною тамошней колонїи и узналъ въ немъ, такъ сказать, предспавителя опличныхъ людей нашего вѣка.

Добровъ, человекъ сорока лѣтъ; онъ находится въ томъ возрастѣ, въ копоромъ рѣдкїй пере мѣняетъ свой образъ мыслей, свои правила. Черные глаза его выразительны; они, кажется, желаютъ проникнуть во всѣ тайны души того, съ кѣмъ онъ разговариваетъ; но какъ сіе желаніе не ищепъ укрышьсл опъ вниматель-

лаго взора другихъ, оно не лишаетъ его лица пишины и мира, оно не даетъ взглядамъ его той бѣглости, того лукаваго безпокойства, которыхъ примѣчаемъ мы въ дошедшихъ до насъ портретахъ великихъ политиковъ 18 и 19 столѣтій. — Онъ опкровененъ въ своемъ разговорѣ, потому что благоразуменъ, потому что слишкомъ хорошо знаетъ всѣ невыгоды припворства и половинной искренности. Но въ тоже время, владея неизчерпаемымъ источникомъ чувствительности, онъ рѣдко выражаетъ чувства свои словами, не потому, чтобы почивалъ людей, братій своихъ неспособными вполне оцѣнить и раздѣлить его душевное богатство — (онъ слишкомъ увѣренъ въ достоинствѣ человека, чтобы унижать его такимъ мнѣнiемъ); но потому что знаетъ, какъ недоспапочно слово для выраженiя всего происходящаго внутри насъ; потому что видитъ, какъ озабочены его ближнiе прудами и обязанностями жизни, опнимающими у нихъ досугъ и способность вслушиваться въ голосъ посторонняго сердца. Въ домѣ Добрава царствуетъ величайшая опрятность, утонченный вкусъ, великолѣпiе безъ пышности, изобилiе безъ расточительности, порядокъ безъ принужде-

нїя, бережливость безъ боязливости, безъ скупоности. Слугъ не много, но они усердны и, кажется, выжидаютъ и высматриваютъ малѣйшій случай, чѣмбы оказать услугу, къ которой даже не обязаны, чѣмбы доставить гостямъ и хозяину удовольствїе и выгоды. Добровъ всячески своимъ ласковымъ обращенїемъ спарается заставить ихъ забыть, что они пожертвовали частїю своей личной свободы для насущнаго хлѣба; но онъ рѣдко раздѣляетъ между ними подарки, ибо подарки по большой части бывають причиною неудовольствїя и зависти: слугѣ же, одаренному душою, привѣпливое слово, шутка, которая заставляетъ его на мигъ забыть неравенство между господиномъ и собою, прїятнѣе величайшихъ подарковъ и наградъ.

Добровъ человекъ самый дѣлательный, самый прудолюбивый; но у него осматривается время и для удовольствїя. Онъ наслаждается, потому что наслажденїе считаетъ обязанностїю всякаго; но свое счастье полагаетъ онъ единственно въ наслажденїи добродѣтелию. Все входитъ въ составъ Теорїи его высокаго Эпикуризма: его правило — во всемъ и вполне быть человекомъ. Звѣриная ловля, дикое препровожденїе времени отважныхъ полуварваровъ; удоволь-

спивія роскошной Азійской купальни; веселія Сокрапической шрапезы и изобиліе пировъ Лукулловыхъ; музыка, испочникъ духовнаго, таинспвеннаго упоенія; умный и выдержанный разговоръ съ человѣкомъ просвѣщеннымъ и глубокомысленнымъ; сладостныя смущныя мечпанія въ уединеніи на берегу шумнаго попока или подъ ропоть испочника, бѣгущаго въ сумракѣ деревь; рѣзвось и шупки въ кругу молодыхъ красавиць и ихъ обожашелей; поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, но не въ оригиналахъ, а въ превосходныхъ опечеспвенныхъ переводахъ; важная бесѣда съ мудрецами и быпописателями вѣковъ минувшихъ: словомъ всѣ роды наслажденій душевныхъ и инѣлесныхъ, даже участіе въ театральныхъ представленіяхъ, даже легкая, дружеская насмѣшка, даже пляска и рѣдкое, минупное забвеніе самаго себя за полною чашею — всѣ роды испинныхъ наслажденій знакомы Доброву, всѣ принимающя имъ съ благодарностію изъ руки Провидѣнія. — Но всему предпочитаетъ онъ тихій миръ и сладостную теплошу семейспвенной жизни. Супруга Добрава, прекрасная Элиза идеаль женскаго совершенспва. Она роспу небольшого: глаза ея, голубые, исполнены жизни и доброты не-

изъяснимой: она, кажется гопова, сказать всякому: „какъ бы я желала тебя видѣть счастливымъ!“ Но „я люблю тебя, не изрѣченно люблю тебя!“ говорятъ ей глаза одному супругу. Элиза не слишкомъ заботится о своей наружности: но чтобы ни вздумала надѣть, къ ней вѣрно все присплетъ, она вѣрно собою все украситъ. До сихъ поръ сохранила Элиза эту младенческую простоту, эту искренность, которыми придавали ей дѣтскому возрасту какую-то ангельскую святость: и въ поже время она скромная, но пронцапельная совѣтница своего мужа въ общоительствахъ самыхъ трудныхъ и въ случаяхъ самыхъ запутанныхъ. Она прекрасно поетъ и рисуетъ, не думая бытъ виртуозомъ. Она совершенно понимаетъ и — что еще болѣе — совершенно чувствуетъ великихъ Писателей: но никогда не произноситъ своего мнѣнiя, никогда не показываетъ своего восторга, и только иногда вопиву воли обнаруживаетъ свою прелестную душу перемѣною въ лицѣ, слезою, которая при чтенiи прогательнаго мѣста блещетъ въ очахъ ея, которую она старается обличить во лжи милою улыбкою, которой она тѣмъ болѣе придаетъ цѣны и небесности. Элиза бла-

гошвориптъ; но сначала ни мужъ, ни да- же облагодѣпельспвованные, ни кто не зналъ того, и если Добровъ шеперь оп- крылъ сѣю превосходную спорону души ея, онъ долженъ былъ измѣнить своему характеру, долженъ былъ упопрѣбипъ хипроспъ.

Добровъ, какъ правипель народа, еспеспвеннымъ образомъ полагаептъ глав- ное достоинство человѣка — въ граждан- спвенности. Но онъ не одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ; онъ всегда помиптъ, что совершенный гражданинъ не еспъ еще совершенный человѣкъ, что образованно- сти правспвенная, эстетическая, религі- озная, ученая, даже физическая имѣють спкое же право на уваженіе, какъ и обра- зованность гражданская, ибо онѣ всѣ сред- ства къ человѣчности, всѣ равно должны входить въ соспавъ образованности ист- иннаго человѣка. Сѣе самое безприспра- спіе дѣлаептъ Добрава спсходипельнымъ къ приспраспїямъ и односторонности пѣхъ, копорые проспо граждане, мора- листы, художники, а не люди: онъ спс- ходипеленъ къ нимъ, ибо они полезны — спспешенному усовершенспванію цѣлаго.

Въ нашемъ спсчастливомъ опечеспвѣ много людей, похожихъ на Добрава. Пе-

ренесися-же мысленно въ 19 столѣтіе ; прочли образованнѣйшему Европейцу изображеніе моего Добрава: не смотря на то, что Добравъ не болѣе и не менѣе, какъ только испинный человѣкъ, онъ назоветъ его сущесивомъ идеальнымъ, невозможнымъ. Суди же, какъ они были удалены отъ испиннаго просвѣщенія, отъ испинной образованности,—отъ Природы. Въ Европѣ мае-машикъ былъ мае-машикомъ и ничѣмъ болѣе: онъ пренебрегалъ художникомъ, правовѣдцемъ, историкомъ. Каждый изъ нихъ платилъ ему и всѣмъ прочимъ пою же монепю; каждый Ученый присвоивалъ только своей части исключительное названіе Науки. Толпа или не понимала ихъ, или смѣялась надъ ними, или пипала къ нимъ какое-то отвращеніе, перемѣшанное ужасомъ и жалостію, сожалѣніе подобное тому, которое оказываютъ сумасшедшимъ. Купецъ, воинъ, гражданскій чиновникъ, духовный презирали и ненавидѣли взаимно другъ друга: они не только не были людьми, они даже не были гражданами. Даже нѣкоторые испинные сыны опечесива, которые посвящали жизнь, труды и любовь свою благососпоянню браній, послѣдователи Адама Смита и Англійскихъ Экономистовъ судили слишкомъ спрого и одно-

споронно о людяхъ, которые, быть можеть, спояли выше ихъ — о Императорахъ и умозрипельныхъ Философахъ. Оплчнѣйшїе и превосходнѣйшїе умы въ числѣ сихъ послѣднихъ одни только имѣли смупное понятїе объ испинномъ достоинствѣ человѣка; но въ поже время обспояпельспва не дозволяли имъ приобрѣсть силу и цвердоспѣ души, необходимы къ исполненїю всего, что они признавали въ шеплой вѣрѣ сердца непремѣнною обязанностїю человѣка.

В. Кюхельбекеръ.

6) СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТАЙНАЯ ГРУСТЬ.

Долины кликомъ огласились
 И съ шумомъ войны пѣснями
 Вокругъ пылающихъ огней;
 Кипящей жизни рапи полны,
 Текутъ — и зыблются какъ волны;
 Имъ широпа пѣсна полей;
 Герои на пиру у славы
 Восторгъ побѣды жадно пьютъ,
 И легкокрылыя забавы
 Имъ пѣсни радости поютъ.

* * *

На общемъ праздникѣ побѣды
 Мой випязь храбрый унывалъ,
 И въ шумѣ счастливой бесѣды
 „Увы!“ сквозь слезы мнѣ шепталъ:
 „И славы и побѣды для сердца мало!“
 И сердце юное украдкой посковало.

Ө. Глинка.

КЪ М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

НА СМЕРТЬ Т. И. Вас...ой.

О другъ! ужь нѣшь ее, ужь нѣшь пвоей
Темиры:

Но образъ сладостный ея
 Воскреснетъ на призывъ моей унылой лиры
 И скорбь утѣшился пвоя!

*

Гляжу — и призраки минувшихъ дней
предспали
 Воспорженной душѣ моей
 И радость прошлая, и прошлыя печали
 Какъ будто ожили для ней.

*

Я вижу вдохновень все, все пвое печенье,
Съ упра до полдня пвоего,
 И съ жизнью раннее, могущее боренье,
И все что духъ пвой вознесло.

*

И чтожь — высокое, прелестное явленье
Слѣбло на землю съ небесъ,
 Мнѣ въ душу пролилось свящее упоенье
 И мракъ съ моихъ очей исчезъ.

*

Туда, о другъ,туда швой Ангель возвратился,
 Твой обреченный ошлелѣлъ;
 На мигъ одинъ тебѣ онъ на землѣ явился;
 Но былъ завидѣнъ швой удѣлъ.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. М. Я.

Я съ пламенной душою
 На лирѣ золошой
 Хвалиль младую Хлою,
 Пѣнясь ея красой.
 Хвалиль — и сердце билось
 Въ груди моей сильнѣй;
 Но Хлоя вдругъ сокрылась —
 И счастье вмѣстѣ съ ней!
 Ахъ! гдѣ-жь любовь прямая?
 Коль ангель измѣнилъ,
 Чшо жъ смершная проспая?
 Но я ужъ все забыль....
 Мнѣ дружба подсказала:
 „Забудь со мной любовь!
 Давно любовь я знала:
 Она волнуешъ кровь; —
 Въ ней адъ — не наслажденье;
 Забудь ее, забудь!“
 И къ дружбѣ въ увѣренье

Склонился я на грудь!
 Коварная ласкала, —
 Мы неразлучны съ ней;
 Вдругъ бездна намъ предспала:
 Вопль опытъ для друзей! —
 „Проспи, мой другъ, опасно
 Здѣсь проходишь двоимъ:“
 Миѣ спутница сказала —
 И въ мигъ изъ глазъ пропала!
 Чшожь странникъ? — Ахъ предъ нимъ
 Шумишь пошокъ ужасной —
 По вѣковымъ скаламъ!
 Пѣвецъ въ тоскѣ къ спрунамъ
 Рукою прикоснулся....
 И слабый гулъ проснулся —
 Пронесшись по волнамъ —
 И лира прозвучала:
 „Конецъ! всему конецъ!
 Гдѣ дружба? о слѣпецъ!“
 Но крошко заблispала,
 Вдали на небесахъ,
 Ему звѣзда спасенья,
 Онъ пѣлъ средъ восхищенья
 Надежду на спрунахъ!
 Поспой! помедли милой
 Прелесный сердцу свѣтъ....
 Но скрылся и унылый —
 Вопще его зоветь!
 И скороль, — не извѣстно,

Найдетъ обратный путь?
 Ахъ чтобъ звѣздѣ прелесной
 Еще хоть разъ блеснуть?...

А. Б — фб.

РОМАНСЪ.

Къ Лиль.

Почто мнѣ мыслю перзаться,
 Что я не знапень, не богатъ;
 Почто за счастьемъ гоняюсь
 Когда въ немъ нѣтъ душѣ отрадъ?

* * *

Я вижу смертныхъ въ знапой долѣ,
 Они хоть въ роскоши живутъ;
 Но тамъ смѣются по неволѣ
 И принужденно слезы льютъ.

* * *

А мнѣ хоть грустно въ день ненастный,
 Я плачу съ милой не спыдаясь,
 Людскимъ сужденьямъ неподвластный;
 Любовь — одинъ законъ для насъ.

* * *

Онъ нами въ мѣрѣ обладаетъ,
 Даетъ опраду и покой;
 Кто пушь цвѣтами успиляетъ,
 Тотъ счастливъ Лила — не мечшой!

* * *

Толпа заботъ лишь намъ пѣснился,
 Гдѣ пышность съ гордостью живетъ;
 Не будемъ сихъ враговъ спрашився —
 Насъ бѣдность въ хатѣ спережетъ —

* * *

Тамъ нѣтъ роскошна пресыщенья,
 Не можеть злаго взоръ прельспить,
 Улыбка милой — все имѣнье, —
 А слава — ей любезнымъ бышь.

Г. Кругликовъ.

СЛАБАЯ СТОРОНА.

Элегія.

Ни прелестъ голубыхъ очей,
 Ни персей шрепетанье,
 Ни звуки сладостныхъ рѣчей,
 Ни жаркое лобзанье
 Любви моей не побѣдятъ:
 Вездѣ передо мною

Эрминіи послѣдній взглядъ
 Съ прощальною слезою!
 Для сердца вѣрнаго одно
 Опасно искушенье:
 Чѣпо если вновь мнѣ суждено
 Узрѣть любви смущенье
 Въ пошупленныхъ съ шоской глазахъ,
 Блѣднѣющія розы
 На нѣжныхъ, какъ у ней, щекахъ
 И льющіяся слѣзы?

Плетневъ.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

„Увидя Лидиньку, счастливымъ буду я,<“
 Такъ говорилъ не знавъ, прелестная, тебя,
 По слуху одному красой твоей плѣненный.
 Сбылось желаніе, тебя я увидалъ
 И, прелестными твоими пораженный,
 (Повѣришь ли?) несчастнѣй сталъ!

М. Я — вѣ.

НЕ ЗДЪШНЯЯ ГОСТЬЯ.

Плыветъ величаво
 По синему небу
 Серебряный мѣсяцъ...
 И зорю смѣняютъ
 Вечернія звѣзды,
 И дремлютъ, насупясь,
 Высокія сосны;
 Туманъ заспилаетъ
 Широкое поле...
 Все пусто, безмолвно
 И въ замкѣ нагорномъ,
 И въ ближней дубравѣ,
 И въ дальнихъ долинахъ...

Прелестная дѣва
 Спройна, величава,
 Въ одеждѣ бѣлѣйшей
 Тумановъ вечернихъ, —
 Какъ духъ благодатный,
 Какъ горняя радость,
 Какъ жипель безплошый
 Надзвѣднаго града,
 Одна, молчалива
 Подъ вѣтлюю ивой;
 И къ персямъ прижаты
 Лилейные персты,

И смопрятъ недвижно
 Лазурныя очи
 На мѣсяць унылой....
 Часы пролетали,
 И звѣзды погасли,
 И вспыхнуло утро
 На темномъ Воспокрѣ;
 И скоро неспало,
 Подъ вѣтлою ивой,
 Красы молчаливой...—

Ө..... Г.....

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

Въ послѣдній разъ, въ пиши уединенья,
 Моимъ стихамъ внимаешь нашъ Пенатъ!
 Лицейской жизни милый братъ,
 Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья!
 И такъ онѣ прошли — лѣта соединенья; —
 И такъ разорванъ онъ — нашъ брагскій
 вѣрныи кругъ!

Прости!...хранимый пайнымъ небомъ,
 Не разлучайся, милый другъ,
 Съ фортуной, дружествомъ и Фебомъ, —
 Узнай любовь — невѣдомую мнѣ —
 Любовь надеждъ, восшорговъ, упоенья:
 И дни твои полепомъ сновидѣнья;

МАДРИГАЛЬ М....ОЙ.

О вы, копорые любовью не горѣли,
 Взгляните на нее: — узнаете любовь!
 О вы, копорые ужь сердцемъ охладѣли,
 Взгляните на нее: полюбите вы вновь! —

КЪ ПРЕЛЕСТИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце воспалять,
 И шихимъ, сладостнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызываешь?
 Къ чему обманчивая нѣжностъ,
 Спыдлиности припворной видъ,
 Движеній помная небрежность —
 И препеть успъ и жаръ ланишь?
 Напрасно хитрья спаранья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ!...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ — мой роковой отвѣтъ. —

.

Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обипели презрѣнной —
 Кто смѣлой не стучалъ рукой?
 Нѣтъ! нѣтъ! другому свои завямый
 Неси, прелестница, вѣнокъ —
 Ласкай неопышный порокъ,

Въ швоихъ объятїяхъ успалый!
 Но гордый замысель забудь:
 Не привлечешь пипомца Музы
 Ты на предательную грудь!
 Неси другимъ наемны узы,
 Своей любви поспыдный шоргъ,
 Корыспи хладныя лобзанья —
 И принужденныя желанья,
 И златомъ купленный воспоргъ!

А. П.

ПРОХОЖІЙ и РЪКА.

(Басня).

„Хочу исправиться и нравъ перемѣнить!“
 Одинъ прїятель мой мнѣ вздумалъ говорить;
 „Хочу души своей я прекрапипъ мученье
 „И переспашъ измѣнницу любить!
 „Я карпочной игрой разспроивалъ имѣнье,
 „Но съ спраспью гибельной прощаюсь
 навсегда!

„Мнѣ свѣпъ оставипъ не бѣда;
 „Въ деревнѣ поселюсь я — даже и зимою!
 „Друзья пустынника прѣбдушъ посѣщашъ,
 „Науками свой умъ я буду просвѣщашъ,
 „И ты доволенъ будешь мною!“ —
 — Я слышалъ много разъ, — ему я опшвѣчалъ, —

Что ты обычай свой перемѣнить желаешь,
Но чтожь не начинаешь?

— „Черезъ недѣлю,“ — онъ сказалъ. —

„Черезъ недѣлю я всѣ связи разрываю!

„Приличности и сохраняю;

„Придрашься должно мнѣ къ красавицѣ моей,

„Но не значай прѣвхашь къ ней

„И объявишь что я, ея слуга покорный—

„Такой поступокъ вздорный

„Меня предъ всѣми очернишь!“

Такъ говорилъ мой другъ дорогою со мною!—

Подходимъ мы къ рѣкѣ — на берегу сидишь

Прохожій съ ношей и съ сумою;

„Что ты шупь дѣлаешь!“ спросилъ я

бѣдняка,

Въ глазахъ копораго я видѣлъ нешерпѣнье,

„Мнѣ нужда есть пройди въ ближайшее

селенье!“

Вздохнувъ, онъ отвѣчалъ: „досада велика!

„Здѣсь нѣтъ мостовъ!—авось-либо рѣка,

„Ко счастью прекрапишь печенье,

„Я этого и жду, чпобъ очупишься шамъ!“—

— Мой другъ! вопь образъ пивой, и ты

по пустякамъ

Намѣренье благое оплагаешь; —

Рѣка все будешь печь — и если ты желаешь

На берегу другомъ пожись,

Совѣшь мой — бросишься и плышь! —

Василій Пушкинъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Побдемъ, Климъ, въ Кронштаптъ! — Боюсь
 пустишься въ море —
 А случай неравѣнь — нырнёшь!“ Такъ чтожь
 за горе,
 Ты толстѣ, и ушонуть вдругъ волны не
 дадутъ:
 Вишь бочки всегда поверхъ воды плывутъ!!

2.

А. Прельстилъ ли Нину ты гитарою своей?
 Б. Я счастливъ; но конецъ не такъ мнѣ
 полюбился:
 Проклятый мужъ ее — замѣшивъ подвигъ
 сей,
 Со мной камнями въ окошко изъяснился.

*

А. Теперь позволь тебя Орфеемъ мнѣ на-
 звать,
 Когда и камни ты заспавиль танцовать!
 Г. Круц.... вб.

IV. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

О НОВѢЙШЕЙ МУЗЫКѢ.

(Продолженіе.)

Усовершенствованіе новѣйшей музыки принадлежитъ исключительно Итальянцамъ, Нѣмцамъ и Французамъ; и хотя она вездѣ сохранила свой романтической характеръ, однако, сообразно съ поэтическому образованію сихъ трехъ народовъ, получила у нихъ различныя отличія, или, лучше сказать, каждый изъ сихъ народовъ имѣетъ свой собственный образъ композиціи. Отъ того нынѣшнюю музыку раздѣляютъ на *Итальянскую*, *Нѣмецкую* и *Французскую*.

Плѣнительная мелодія, по необыкновенно игривая и веселая, по стремительная въ высочайшей степени, пламенная и быстрая, подобно огненнымъ потокамъ Везувія, числая безыскусственная гармонія — вопль отличительныя качества Итальянской музыки. Первородная простота и невинность, хотя съ нѣкоторыми исключеніями, сохранились въ ней еще по сіе время. Это доказываетъ чрезвычайная ясность ихъ паршипуръ, противоположная

многосложности Нѣмецкихъ и запутанности Французскихъ. Одни только Итальянцы обладаютъ рѣдкимъ искусствомъ — немногими ногами производить сильное дѣйствіе. Къ особенной чести ихъ можно еще сказать, что они умѣли предохранить свою музыку отъ всякаго внѣшняго вліянія, и чрезъ то придали ей необыкновенную оригинальность. По сему твердому и постоянному характеру ея почти можно бы было заключить, что родъ композицій, который мы въ ней находимъ, представляетъ самый истинный и природный характеръ музыки, и что всякое опшупленіе отъ онаго клонилось бы ко вреду сего искусства. Но мы обманулись бы въ такомъ заключеніи. Нѣмецкая музыка въ послѣднія тридцать лѣтъ проложила себѣ новую дорогу, совсѣмъ противоположную стило Итальянской музыки. Ея полная, выразительная мелодія, богатая, блестящая гармонія и неподражаемое дѣйствіе инструментовъ приводятъ въ изумленіе самихъ Итальянцевъ. Если музыку сихъ послѣднихъ, по ея стремленію къ одной только мелодіи, можно почесть за переходъ отъ чистой поэзіи древнихъ къ романшикѣ новыхъ народовъ; то Нѣмецкой музыкѣ предоставлено въ разнообразной,

чудесной игрѣ гармоніи, соединенной съ мелодіею, развитъ и образованъ романтической характеръ до высочайшей степени совершенства. Чтобы увѣрился въ это, спойте только сравните творенія Гайдена и Моцарта съ произведеніями лучшихъ Италіянскихъ композиторовъ. Между тѣмъ, чтобы и самому незнающему дать почувствовать опличительную разность между обоими родами музыки, мы приглашаемъ его послушать *Донъ Жуана* Моцарта и *Мельничиху* Паизіелло. — Въ сихъ двухъ совершенныхъ операхъ вполне выражается характеръ Нѣмецкаго и Италіянскаго стили. Французская музыка, разсматриваемая какъ народное, неподражаемое произведеніе, составляетъ шрестій особенной родъ, вовсе опличный опъ Италіанской и Нѣмецкой музыки. Она, сообразно поэтическому образованію Французовъ, не занимается изображеніемъ господствующаго характера цѣлаго предмета, но представляетъ только его опдѣльные прозаическія части. Непоспигая внушенія поэтическаго духа, она поставляетъ себѣ правиломъ занимать слушателей внѣшними пріятными переменными звуковъ. Таково было опличительное свойство первоначальной Французской музыки въ вѣкъ

Людовиковъ XIV и XV, которое мы находимъ въ композиціяхъ *Люлли* и *Рамо*. Въ послѣдующія времена отъ вліянія Итальянцевъ (Пиччини, Паизіелло, Керубини) и Нѣмцовъ (Глука) Французская музыка получила новое образованіе, которое, не измѣняя впрочемъ ея кореннаго характера, придало ей гораздо болѣе блеска и поэпическаго достоинства. Но сіе же самое вліяніе лишило ее первобытной оригинальности, такъ что нынѣшнюю Французскую музыку должно почитать за средній, несовершенный родъ между Итальянскою и Нѣмецкою, который не можетъ вполне удовлетворять ни собственнымъ Французамъ, ниже иностранцамъ.

Исторія новѣйшей музыки начинается съ одиннадцатаго столѣтія, или съ того времени, когда Итальянскій монахъ *Гвидо Аретино* изобрѣлъ нынѣшнюю линейную систему, ключи и названіе нотъ чрезъ *ut, re, mi, fa, sol, la*. Отъ сего счастливаго изобрѣшенія произошелъ мало по малу (нынѣ употребляемый) образъ означать звуки нотами, который въ четырнадцатомъ столѣтіи усовершенствованъ былъ *Жаномъ де Мёрбъ* или *де Мюри* (*Jean de Moeurs ou de Muris*). По крайней мѣрѣ ему приписываютъ изобрѣшеніе

различныхъ видовъ нотъ, коими означается продолженіе тоновъ. Съ того времени музыка сдѣлалась предметомъ искусства, и прежде всего въ Италіи, къ чему весьма много способствовало Римско-Каполическое богослуженіе, ибо музыка искони сопряжена была съ религіею пѣснѣйшими узами. Многіе Папы кровопельствовали музыкѣ, (въ особенности же пѣнію), и освящали ее своими посланіями (brevia), именно Пій IV и Сикстъ VI, который заплащилъ за свою капеллу 150,000 гульденовъ. Въ вѣкъ Медицисовъ Итальянская музыка достигла уже высокой степени образованія. Въ послѣдней половинѣ шестнадцатаго столѣтія церковный стиль усовершенствованъ былъ знаменитымъ *Палестриною*. Сей бессмертный композиторъ (род. 1529, умер. 1594 г.) по всей справедливости почитается главою старой Итальянской школы и патриархомъ гармоніи. До его времени церковная музыка столь испорчена была пущими прикрасами и бездѣлками, что Папа Марцелль II намѣревался изгнать изъ нее всѣ инструменныя и оставивъ одно только пѣніе. Но творческій гений Палестрины не только поддержалъ тогдашнюю церковную музыку, но и совершенно преобразовалъ ее. Папа, выслушавъ со-

чиненную имъ обѣдню, (извѣстную и по нынѣ подъ именемъ *Missa Papae Marcelli*), опложилъ свое намѣреніе и препоручилъ ему изготovitи нѣсколько подобныхъ композицій. Съ того времени вся Италія принесла дань благоговѣнія великому художнику. Въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ равняться благородству, величію, пріятности его спила. Палестрину должно почестъ собспвеннымъ шворцемъ контрапункта. Творенія его навсегда останулся образцами въ своемъ родѣ, и даже теперъ ежедневно даются въ Италіи; къ сожалѣнію, онѣ весьма рѣдки, и отчаспи сохранились только въ рукописяхъ. На гробницѣ Палестрины, въ церкви Св. Петра, находится надпись: *Joannes Petrus Aloysius Palestrina, Musicae Princeps*, л: е: *Іоаннѣ Петрѣ Алоузій Палестрина, Князь музыки.* Ему подражалъ *Аллегри* (род. 1590, ум. 1640 г.), пѣвецъ Папской капеллы, особенно прославившійся своимъ *Miserere*, которое и по сихъ поръ дается ежегодно на святой недѣлѣ въ Сиксировой часовнѣ.

Съ поспепеннымъ образованіемъ театральной музыки, церковный спиль началъ клониться къ упадку. Священная, величественная простица его уступила мѣс-

по свѣтской пышности. Сердца слуша-
 телей охладѣли къ духовнымъ композиці-
 ямъ, но за то со всею страстью обрати-
 лись къ оперѣ. Сей родъ представленія
 произошелъ въ началѣ шестнадцатаго сто-
 лѣтія. Общество любителей искусствъ
 во Флоренціи покушалось возстановить
 древнюю Греческую трагедію. Чтобы какъ
 можно ближе подойти къ сей цѣли, два
 сочлена того общества, *Вигензо Галилей*
 и *Юлій Кассини*, извѣстные тогдашніе
 композиторы, — предприняли положить про-
 стое стихотвореніе на речитативъ съ
 сопровожденіемъ одного инструмента. Сей
 впрочемъ маловажный опытъ проложилъ
 дорогу всѣмъ послѣдующимъ музыкально-
 драматическимъ сочиненіямъ. Еще въ 1485
 году была представлена въ Венеціи первая
 комическая Опера (*opera buffa*), и съ того
 времени подобныя представленія давались
 во дворцахъ всѣхъ Итальянскихъ Госуда-
 рей и знатныхъ вельможъ. Музыка къ
 симъ зрѣлищамъ состояла по большей ча-
 сти въ декламациі, похожей на нынѣшній
 речитативъ, которая изрѣдка перерыва-
 ема была хорами. Изобрѣтателемъ наспо-
 ящаго речитатива почитается *Эмилио*
дель Каваліеро, который въ 1590 году по-
 ложилъ на музыку двѣ пастушескія Оперы,

il Satiro и *la disperazione*, и одну Орапо-
рїю *Anima e Corpс*. Послѣ многихъ по-
добныхъ опытовъ наконецъ въ 1600 году,
при бракосочетанїи Короля Генриха IV,
была публично предспавлена во Флоренціи
правильная Опера *Эвридика*, сочиненная
поэпомъ *Ринцуггини*, и положенная на му-
зыку знаменитыми въ то время компонис-
тами *Пери* и *Каттани*. Въ первой полови-
нѣ семнадцатаго столѣтїя особенно сла-
вилась музыкаю Венеція. *Иосифъ Зарли-
но*, Капельмейстеръ при церкви Св. Мар-
ка, дѣлаешъ эпоху своими теоретически-
ми сочиненїями, особенно о гармонїи. Изъ
Венеціи и Рима спрасъ къ музыкѣ рас-
пространилась до Генуи и Неаполя, и вся
Италїя, такъ сказать, превратилась въ
гремящую концертную залу, которая при-
влекала къ себѣ всѣхъ Европейцевъ, чшобъ
слушалъ настоящую музыку (особенно
прекрасное пѣнїе) и учиться сему искус-
ству. Подъ руководствомъ Итальянскихъ
компонисповъ начали образовываться ино-
странные артисты, особенно изъ Нѣм-
цовъ и Французовъ, и съ осьмнадцатаго
вѣка вкусъ къ музыкѣ распространился по
всей Европѣ. Итальянскїя Оперы появились
почти во всѣхъ столицахъ; пѣвицы, кас-
праты и солисты на инструментахъ

спали повсюду собирають щедрую дань удивленія и признапельности. Можно сказать, что съ сего времени наступилъ самый блестящій періодъ въ Исторіи музыки. Италія, Германія и Франція сдѣлались соперницами въ семь искусствѣ, которое отъ споль благороднаго соревнованія исполинскими шагами возшло на высочайшую степень совершенства. Каждая изъ упомянутыхъ земель произвела рядъ отличнѣйшихъ въ своемъ родѣ композиторовъ, которые пѣмъ болѣе достойны жить въ нашей памяти, что своими твореніями доставляютъ намъ самое невинное, высокое наслажденіе.

Итальянскіе композиты.

Александръ Скарлатти, Капельмейстеръ при Неаполитанскомъ Дворѣ, родившійся въ 1650 году въ Неаполѣ, положилъ основаніе новому спилу музыки. Итальянцы называютъ его *славою сего искусства и главою композиторовъ*. По мнѣнію Гассе, (который былъ его ученикомъ), онъ въ гармоніи выше всѣхъ Итальянскихъ художниковъ; Томелли почипалъ его церковную музыку самою лучшею въ своемъ родѣ. — Онъ образовалъ Дуранша и Лео. Творенія его состоятъ изъ многихъ

мопешповъ (псалмовъ положенныхъ на музыку), обѣдней, ораторій, кантатъ и оперъ; лучшее же произведеніе его есть Опера *La Principessa fedele*. Скарлатти первый началъ упопрелять *облигатные регитативы* (п: е: безъ сопровожденія оркестра) и *Dasaro*. Онъ былъ превосходный игрокъ на арфѣ, и сохранилъ дѣятельность духа до самой своей смерти (1727 г.)

Францискъ Дурантъ (род. 1693, въ Неаполѣ, ум. 1735.) и *Леонардо Лео* (род. тамъ же 1701, ум. 1743), наследовали великіе таланты своего учителя, и не менѣе его способствовали къ дальнѣйшему усовершенствованію Италіанской музыки, будучи оба Капельмейстерами при знаменитой Консерваторіи Св. Онуфрїя въ Неаполѣ, изъ которой вышли славные ученики ихъ Перголези, Траэпта, Саккини, Пиччини, Гуліельми. — *Дурантъ* — (коего имя въ извѣстныхъ письмахъ Принцессы Гонзагъ ошибкою приняно вмѣсто Лео) — сочинялъ единственно церковную музыку, кою пріобрѣлъ себѣ величайшую славу. Творенія его навсегда останутся классическими.

Лео превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, ибо онъ всѣ роды музыки

образоваль въ равной степени совершенства. Ему, Перголези и нѣкопорымъ другимъ современнымъ компонисвамъ принадлежишь та слава, что они распространили Неаполишанскую школу по всей Европѣ. Едва ли кто (выключая Гайдена) можешъ равняшья съ нимъ въ искусственныхъ аккомпаниментахъ, посредствомъ которыхъ изображаются физическіе предметы, на пр. шумъ воды, буря и ш. п. Всѣ творенія сего безсмертнаго компониста исполнены удивительныхъ красотъ, и даже по сіе время служатъ въ Италіи образцами для учащихся музыкѣ. Лео былъ равно великъ какъ въ спрасномъ и высокомъ, такъ въ просномъ, нѣжномъ и шупливомъ стилѣ. Онъ первый началъ употреблять въ своихъ комическихъ Операхъ форму *Рондо*. Изъ шеапральныхъ сочиненій его лучшія суть: Опера *Демофонтъ*, въ которой арія: *Misero pargoletto*, по голосу и выразишельности навсегда останешя единственною;— Опера *Олимпіяда*, въ которой дуэшь: *Nei giorni tuoi felici*, и арія: *Non so donde viene* приводятъ слушателя въ изумленіе;— Комическая Опера *Il Cioè* (*То есть*,) композиціи, показывающая геній художника во всемъ блескѣ. Содержаніемъ сей оперы ешь человекъ,

который къ каждому слову прибавляетъ: *то есть*, и думая, что говоритъ какъ нельзя яснѣе, дѣлается для всякаго непонятнымъ. — Изъ церковныхъ композицій болѣе всѣхъ прославили его *Ave Maria* и превосходное *Miserere*. Сіе послѣднее произведеніе особенно отличается высокимъ, разительнымъ стилемъ и удивительнымъ искусствомъ въ гармоніи и контрапунктѣ.

(Продолженіе впродъ).

V. КРИТИКА.

Разборъ *Разсужденія о прекрасномъ въ твореніяхъ разума, переведеннаго Графомъ Д. И. Хвостовымъ, съ Французскаго языка, изъ сочиненій Андре, бывшаго Профессора Математики въ Казнѣ, и титаннаго въ Императорской Россійской Академіи. Печатано въ типографіи Императорской Академіи, по ея опредѣленію, 1820 года Февраля 28, 34 стр.*

Редакторъ имѣлъ честь получить сіе *Разсужденіе* при слѣдующемъ письмѣ: Милоспивый Государь мой И. М. Я прошу васъ приняты благосклонно переводъ *Разсужденія о прекрасномъ*. Знамениное сіе твореніе, по важности отвлеченнаго содержанія, по ясности предметовъ, по превосходной опдѣлкѣ всѣхъ частей и въ особености по изложенію правилъ о красотѣ слога и единствѣ цѣлаго сочиненія, можетъ принести пользу каждой Словесности, слѣдственно и нашей. Объ ономъ во Франціи, послѣ громкаго вѣка Людовика XIV Дидеротъ въ Энциклопедіи (tome I, article beau) говоритъ: Tous les hommes sont d'accord qui il y a un beau,

plusieurs le sentent vivement, où il est, et peu sçavent ce que c'est - - - le beau du père André est le systeme le plus suivi, le plus étendu et le mieux lié, que je connoisse.“ Похвалу Дидерота нельзя принять за приспращную. Г. Андре, какъ увидише изъ сочиненія, не балуетъ свободномысленныхъ проповѣдниковъ разврата, и не пошакаетъ мнимымъ Философамъ. Я весьма жалѣю, что недоспашокъ времени препяшсшвуетъ мнѣ присшупишь по совѣшу Пр. Пс. къ переводу Дидеротовой стапши. которая очень хороша. *Разсужденіе о прекрасномѣ* можетъ подашь каждому Писателю случай къ сочиненію новаго и пріятнаго извлеченія. Обыкновенное объявленіе въ Журналѣ конечно будетъ сухо; обстоятельный разборъ, особливо послѣ Дидерота, пребуешъ большаго времени и труда; но можно показашъ крапко цѣль Автора, главныя основанія, и наконецъ выпискою лучшія мѣста и также недоспашки. Нѣтъ сочиненія, которое бы не требовало изслѣдованія или поясненія о заключеніяхъ онаго. Я восхищенъ подлинникомъ перевода моего: однако нахожу индѣ неосновательные доводы, или мѣста пребующія большей прозрачности. На примѣръ: Г. Андре раздѣляетъ Разсужденіе

свое на три разряда; называя первый *существеннымъ*, относитъ принадлежности онаго: *истину, порядокъ, благонравіе и прилитіе* къ расположенію цѣлаго сочиненія. Третьей поучаетъ о слогѣ. Второй, на коемъ я останавливаюсь, есть просто говоря о Риторикѣ: а именно картины чувствованія, спростныя движенія. Онъ изъясняется: (страница 93 подлинника) „Безъ сомнѣнія картины можно почести *необходимымъ украшеніемъ*.“ — Если картины только украшеніе: то едва ли можно ихъ возвести на первой степенъ помянутаго разряда. Самъ Сочинитель говоритъ (страница 106) о злочесливыхъ Писателяхъ: „пусть *растощаютъ они прелесть и шіа картины* и пр.“ еще ниже: что картины и даже *описанія* (descriptions, Narrations,) должны *употребляться кспати*. Подобныя исключенія и условія ведутъ къ догадкѣ, что картины только просто украшеніе; о чемъ ни кто не споритъ. Мнѣ кажется, что онѣ ближе принадлежатъ къ разряду называемому искусственнымъ, гдѣ разсуждается о выраженіи, оборотѣ разума и словосочиненіи. Скажутъ мнѣ, что я только воюю противъ слова: *необходимое*. Это правда. Но я единственно для того сѣе и дѣлаю, чтобы предостеречь

молодыхъ писателей отъ излишества. Картины, которыя дѣлашь очень легко, какъ всякой знаетъ, и какъ разсуждая о словѣ замѣчаетъ самъ Г. Андре, будучи поставлены въ первой ступѣ естественнаго разряда или Риторики, могутъ соблазнить блескомъ своимъ неопытные умы при сочиненіи, или судѣ. Отъ чего, по мнѣнію моему, приключиться можетъ большой вредъ сущности Поэзіи, или прекраснаго. Поэзія, или прекрасное въ Поэзіи тогда только заслуживаетъ вниманіе, когда обращаешь въ пользу, или успѣшеніе человечества. Поэзія въ дѣломъ не есть искусство ума, а сердца. Отъ того и приписываются ей, по исчисленію самаго сочинителя, названія восторга, вдохновенія, священнаго изступленія. И для того слѣдуешь картины спавишь, и по, если сіе угодно, не въ первой ступѣ разряда, называемаго естественнымъ, но въ послѣдней, какъ опрасли чувствъ и спрашней. Описаніе Тераменово у Расина, въ Федрѣ, хотя прекраснѣйшее по дробямъ своимъ, опвергается въ дѣломъ пошому, что не кстапи помѣщено. Что скажутъ о сочинителѣ, который, писавъ на кончину своего друга, или невѣсты, предспавишь все въ картинахъ: болѣзнь, пошомъ визитъ

доктора, побѣдителей, наконецъ смерть и погребеніе.

Еще *чувствованія не во всякомъ со-
чиненіи нужны.* Мнѣ кажется сіе темно. Я думаю, что даже Салирику и Эпиграмматисту нужно чувствовать омерзеніе къ пороку, дабы склонить читателя на свою сторону. Виргилію спавялтъ въ большое достоинство, что онъ въ описательной Поэзіи помѣспилъ вводное приключеніе объ Аристееѣ.

Впрочемъ есмь и буду съ истиннымъ почтеніемъ

вашъ, м. г. мой,

покорный слуга

9 Апрѣля,
1820 года.

Переводчикъ.

Глубокомысліе, ученость, почность и опредѣленность выраженій, быстрый взглядъ на природу вещей и впечатлѣній, которыми Авиторъ, кажется, желалъ обнять всё, что способно возбудить чувство высокаго и прекраснаго, возвысить и увѣковѣчить Геній, — вопль что составляетъ оплечивельное достоинство Разсужденія о *прекрасномъ* Г. Андре. Пусть справедливо замѣчаютъ, что *прекрасное* можно лучше чувствовать, нежели понимать;

пусть говорятъ, что правила и наставленія суть цѣпи для дарованій. Но не распространяется ли сфера нашихъ познаній, когда объясняютъ путь, по которому шествовали умы, возвысившіеся въ произведеніяхъ своихъ до прекраснаго? Не способно ли доставить источникъ чистаго удовольствія Разсужденіе о прекрасномъ? Занятія мои не позволяютъ мнѣ теперь особенно изложить собственныхъ мыслей по сему предмету; но я буду слѣдовать за Г. Андре отъ начала до конца его разсужденія, предложу разборъ онаго сколько дозволяютъ предѣлы сего изданія. Желалъ бы имѣть подлинникъ, чтобъ лучше чувствовати красоты перевода, но я починаю обязанностію вѣрять въ достоинство онаго....

Г. Андре говорилъ свое Разсужденіе въ Академіи. Прислушъ его приличенъ сему собранію. Но будучи справедливымъ къ Академикамъ, отъ которыхъ пребываютъ всего необыкновеннаго, превосходнаго, онъ слишкомъ снисходитъ къ трудамъ прочихъ сословій. По его мнѣнію, въ запискѣ о дѣлѣ, рѣчи судопроизводной, проповѣди предъ народомъ, похвальномъ словѣ, журналѣ и выпискѣ, кромѣ слишкомъ грубыхъ погрѣ-

шностей противъ слога или языка, всё прочее легко извиняется.

Но мнѣ кажется, что для записки изъ дѣла требуется хорошо обдуманнѣй планъ, изложеніе всего существа дѣла, ясность, краткость, и простота слога. Въспомните о чѣмъ она часто бываетъ прудною задачею для людей, которые не приобрѣли опытности. Умѣнье, догадка и навѣкъ составляютъ дѣловаго человека. Каждое его слово говоритъ о дѣлѣ. Сколько же еще потребно знаній, чтобы произвести Юриспруденцію.... Въ трудахъ его конечно не нужно Академическое пареніе, но оспъ нихъ часто зависитъ жизнь — честь и собственность.

Рѣчь судопроизводная: — Авдокатъ долженъ защищать права. Одно знаніе ихъ ему еще недостапочно. Онъ долженъ быть Историкъ, Философъ, Орапоръ, долженъ проникать въ изгибы человеческого сердца и силою истины разсѣкать узелъ, въ который можетъ быть запутана спржадущая невинность.

Проповѣдь предъ народомъ: — Цѣль ея есть безсмертіе. И потому ничего нѣтъ выше избранныхъ Промысломъ къ наснавленію народа, къ открытію ему истины; и между тѣмъ ничего нѣтъ пруднѣе, какъ

научать народъ: ибо не всякой готовъ благоговѣнъ предъ Свѣпомъ. Пупи многочисленны, но добродѣтель шествуетъ по кремнистой пропикѣ. Въ порядкѣ обществъ — все соучивуетъ спростямъ, — возвести человека выше оныхъ, значить побѣдить его природу — это высокое. Тутъ благо царствъ — союзъ земнаго съ Небеснымъ; обыкновенно прекрасное убрано всѣми прелестями воображенія — опнителю силу онаго, останется существенное, которое бѣдно... А съ кѣмъ дружится нагая истина? и какъ устроитъ равное довольство?... Кто не желаетъ наслаждаться существенными благами? Что же примиритъ народъ? Первый долгъ проповѣди вѣщать о челоувѣчествѣ... утвердить владычество совѣсти есть дѣло великое, благородное. Слава проповѣдникамъ истины; — награда ихъ — побѣда спростей и миръ. Мы и теперь восхищаемся прекрасными въ семь родѣ произведеніями Платона...

Похвальное Слово: — я читаю похвальное Слово Императору Траяну, младшаго Плинія...

Не говорю о Журналѣ и выпискѣ: не понимаю какіе журналы и выписки разумѣеть Г. Андре. Онѣ иногда значатъ много,

иногда мало. Но цѣль ихъ всегда должна быть благородною.

Оспавляю безъ повпоренія, чпо говоритъ сочинитель о различіи вкусовъ и непостоянствѣ сужденія о прекрасномъ. Это уже рѣшено имъ самимъ и другими. Заблужденія и обманы нельзя почипать разумомъ и вкусомъ (*).

Присипуаю къ самому его Разсужденію: Онъ пишетъ: „Я называю прекраснымъ въ твореніи разума не то, чпо нравится при первомъ спремленіи воображенія, дѣйствующаго по нѣкопорымъ часпнымъ побужденіямъ душевныхъ способностей, или органовъ тѣлесныхъ; но то, чпо должно нравиться истиннымъ превосходствомъ, собспвеннымъ сіяніемъ и своею почностию разсудку и размышленію, и, если мнѣ позволятъ сіе выраженіе, *внутреннею* пріятностию (*intrinseque*).“

Это, кажется, было бы все равно, если бы кто вздумалъ опредѣлить душу такъ: душа не тѣло, а духъ. Точно такое сходство между нравящимся и прекраснымъ. Постараемся въ сокращеніи разобрать многословное опредѣленіе Г. Андре. Пре-

(*) Смотр. Невскій Зритель о критикѣ вообще, Генварь, стр. 106.

красное то, что нравится размышленію и разсудку. Справедливо ли сіе во всякомъ случаѣ? Я дѣлаю математическія вычисленія, дифференціалю и интегралю количества и наконецъ трудною дорогою дохожу до результата, которой впрочемъ не можешь быть въ приложеніи. Я размышлялъ, разсуждалъ, попому что сравнивалъ, и доволенъ моимъ рѣшеніемъ, но не воскликну: это прекрасно — не скажу: прекрасная теорема, прекрасная Математика, а въ ней и сіяніе истины и порядокъ. Я назову ее основательною, почною наукою. То же можно сказать и о другихъ произведеніяхъ, въ коихъ основано все на размышленіи: оно уже само по себѣ есть трудъ, которой болѣе тягостъ. Прекрасное относится къ чувству, которому оно доставляетъ тихое движеніе. Мы уважаемъ умъ — полезное, а любимъ доброе — сердце, для котораго наиболѣе существуетъ прекрасное. И попому, кажется, и прекраснымъ въ твореніи разума можно назвать только тѣ произведенія, которыя непосредственно сильнѣе дѣйствуютъ на сердце и воображеніе. Такова Поэзія, гдѣ говорится чувство или живописуется изысканная природа, и вообще тѣ творенія ума, коихъ главнымъ предметомъ божество и человекъ —

тупѣ высокое способно сливаться съ прекраснымъ; предметы намъ нравятся по отношенію къ намъ: смерть любимато нами живописнаго прогааетъ насъ болѣе, нежели распенія, а человекъ, друга, родственника, брата — еще болѣе. Конечно неограниченность погружаетъ насъ въ пріятную меланхолю. Я сижу на берегу моря — не вижу его предѣловъ, и это рождаетъ во мнѣ сладостную мечтательность; — или брожу въ пустыни и развалины ея меня прогаютъ, дають пищу размышленію; тупѣ безпорядокъ, но онѣ прекрасны по сходству съ состояніемъ человѣчества. Я читаю Тацита: каждый періодъ заставляетъ меня размышлять; но я восхищаюсь имъ потому, что вижу въ немъ вѣрное изображеніе характеровъ и сирасней — вижу человекъ. Напротивъ читаю поврненія Алхимиковъ, искавшихъ превращать всѣ металлы въ золото и однимъ лекарствомъ лечить всѣ болѣзни: они по видимому имѣли почвныя начала, которыя возбуждаютъ мое вниманіе и любопытство, таинство придаетъ крылья моему воображенію, и сирасъ къ богатству: все соединено къ тому, чтобы нравиться размышленію, но и при всемъ томъ я остаюсь холодень...

Г. Андре прибавилъ: прекрасное то, что нравишься внутреннею пріятностію. Первое впечатлѣніе, которое осязается навсегда, долго, производитъ въ насъ наружность (въ произведеніи разума — это слогъ); по оной конечно судятъ женщины, но ихъ чувство пошѣе — онѣ ему слѣдуютъ и гораздо лучше насъ понимаютъ прекрасное. Я не постигаю внутренней пріятности Г. Андре, которая конечно есть, но существуетъ для Ангеловъ, а мы не только не проникаемъ въ сущность вещей, но и не знаемъ ихъ цѣли. Сочинитель, кажешься, самъ желаетъ объяснить внутреннюю пріятность въ своемъ раздѣленіи прекраснаго.

(Продолженіе впродъ).

VI. С М Ъ С Ъ.

ОНЪ МНОГО ОБЪЩАЕТЪ.

„Онъ много общаетъ! говорила про меня моя бабушка; у него большой лобъ и расположеніе къ толщинѣ; онъ много общаетъ!“ Ахъ бабушка, бабушка! не сбылось швое пророчество! швой Генералъ, швой Сенаторъ, швой Министръ — живелъ въ дымномъ чердакѣ, переписываелъ мяжебныя дѣла — и умеръ Типулярнымъ Совѣтникомъ...

Но одна ли бабушка обманулась? на примѣръ — старая бабушка публика ..

Объявляютъ ей о новомъ Журналѣ; Редакторы, члены разныхъ ученыхъ обществъ, люди извѣстные книгопродавцамъ. Въ объявленіи напечатано, что — ... но вы читали такія объявленія! Выходятъ первая, вторая, третья книжки. „О! эшотъ Журналъ много общаетъ! кричитъ публика. Надобно подписаться!“ — — Проходишь годъ, и Журналъ кладутъ между Кабинетомъ Аспазіи и Моднымъ Въспникомъ —

Руской баринъ, страстной любитель музыки, даетъ въ своемъ домѣ концертъ. Является скрипачъ, его воспитанникъ; играетъ — и слушатели ахаютъ отъ удивленія и восторга. „Прелестно! восхищительно! о! онъ много общаетъ!. . онъ будетъ второй Роде!“ — Альтомъ баринъ уѣзжаетъ въ деревню; возвращается въ городъ зимою.... Гдѣ же вирнуозъ? гдѣ второй Роде? Онъ — опданъ въ солдаты.

Молодому человѣку удалось сочинить порядочные стихи въ альбомъ сестры своей.. „О! онъ много общается! говорятъ родственники и пріятели; онъ рожденъ Поэтомъ! онъ прославится!“ — — Увы! сколько *милыхъ Поэтовъ* поступило въ свиту Профессора Тредьяковскаго! сколько такихъ Поэтовъ и теперь — добиваются этой чести!. А они *много общаются!* говорятъ ихъ покровители.

„Этотъ молодой человѣкъ съ большими талантами! онъ очень много общается; надобно послать его въ чужіе края!“ Вотъ что говорятъ о живописцѣ, который выучился въ Россіи. — Проходятъ годы — десятки лѣтъ. — Гдѣ же тотъ молодой живописецъ, который такъ много общался? — Онъ опредѣленъ въ число Канцелярскихъ служителей.

Является новый Актеръ. Его образовали знатоки въ драматическомъ искусствѣ; публика, еще не видавъ его — увѣрена, что онъ чудо! Актеръ дебютируетъ. Нѣкоторые замѣчаютъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, не умѣетъ стоять, не умѣетъ ходить, что у него осиплый голосъ, самая бѣдная фигура для трагическихъ лицъ.. Напрасно!. Всѣ замѣчанія заглушены рукоплесканіемъ; Актера вызываютъ, и всѣ единодушно кричатъ: „Онъ много общается! онъ будетъ честью и украшеніемъ Трагедіи!“ Проходитъ годъ, другой, прешій — Актеръ остается при своемъ общаніи, привыкаетъ къ рукоплесканію, къ вызовамъ, къ сужденію въ журналахъ, привыкаетъ не учить ролей; а публика привыкаетъ къ его усыпительной поговоркѣ, и забываетъ что этотъ Актеръ много общался!

Онъ много обѣщаетъ говорить и
 но эти исчисленія заведутъ меня
 слишкомъ далеко... Ушѣшаюсь мыслию, что
 не одна моя бабушка обманулась!

22 Апрѣля.

ІЙ — ОБІ.

ЖИЗНЬ ВЕНІАМИНА ВЕСТА,

знаменитаго Англійскаго живописца, скон-
тавшагося 20 Марта сего 1820 года.

Веніаминъ Вестъ родился въ Спрингфильдѣ, Графствѣ Чесперскаго, въ Пенсильваніи, 10 Октября 1738 года. Предки его были Квакеры, которые выѣхали изъ Англій въ Америку съ законодателямъ Пенсильваніи. Отецъ его пакъ же принадлежалъ къ оной сектѣ

Веніаминъ Вестъ, будучи еще 7-ми лѣтъ отъ роду, обнаружилъ непреодолимую склонность къ рисованію. Однажды мать его, уходя со двора, препоручила ему присмотрѣть за спящимъ младенцомъ. Дитя проснулось, и ангельская улыбка его столь сильно подѣйствовала на Вестъ, что онъ въ первый разъ схвативъ перо и бумагу снялъ портретъ съ сего малюшки. Это было первымъ опытомъ Вестъ и вмѣстѣ зараждающеюся искрою его таланта. Годъ спустя онъ опіданъ былъ учиться въ уѣздную школу. Въ свободное время, позволяли ему родители заниматьсь рисовкою и чертить разныя фигуры чернилами на бумагѣ; они не были въ состояніи доставить ему тѣхъ вещей, которыя нужны

для живописи. Въ продолженіи времени онъ познакомился съ однимъ обществомъ дикихъ Индѣйцевъ, которые жили около Спрингфильда. Вестъ узналъ новымъ знакомцамъ своимъ маленькіе рисуночки, которые изображали птичекъ, цвѣты и тому подобное. Индѣйцы изъ благодарности научили его приготавливать красную и желтую краски, которыми они расписывали свою кожу. Мать его къ онымъ прибавила еще и синюю, подаривъ маленькому Весту кусочикъ индиго; молодой художникъ восхищенъ былъ такимъ подаркомъ. Однажды замѣтили ему знакомые, что онъ не имѣетъ кистей для рисованія; не зная ихъ употребленія, Вестъ спросилъ: изъ чего онѣ дѣлаются? — и приятели сказали ему что это верблюжьи волоса (?), вставляемые въ маленькое перо. Вестъ не имѣлъ случая достать этой для себя драгоценности, но тихонько взялъ у матери своей ножницы и отрубилъ конецъ хвоста у кошки. Такимъ образомъ изобрѣтательный Вестъ имѣлъ уже при краски и кисть. Однажды посѣтилъ его родителей купецъ Пеннингтонъ изъ Филадельфіи и замѣтивъ большіе таланты въ юномъ сынѣ ихъ, подарилъ ему цѣлый ящикъ красокъ, нѣсколько кусковъ полотна и шесть эстамповъ работы Гревлинга. Вестъ пришелъ въ себя отъ восхищенія; едва наступило утро, онъ взбирается на чердакъ и съ ревностью начинаешь копировать съ эстамповъ Работа его продолжалась нѣсколько дней; родители посылали всякой день молодого Веста въ школу; но онъ всегда пробирался тихонько на чердакъ и занимался любимымъ своимъ художествомъ.

Учитель его пришелъ узнать о причинѣ нехожденія воспитанника, — мать увѣряла въ прошивномѣ; наконецъ дознались о скрыпномѣ убѣжищѣ художника. Родители хотѣли наказать его; но работа Веста была заступницей пылкаго юноши, и нѣжная мать вмѣсто наказанія, съ улыбкою его поцѣловала. — Этимъ поцѣлуй сдѣлалъ его въ послѣдствіи славнымъ художникомъ.

Спустя нѣсколько времени молодой Вестъ побѣжалъ въ Филадельфію съ другомъ своимъ Пеннингтономъ, и снималъ памъ виды съ рѣки и съ самаго города. Возвратясь опять въ Графство Чесперское, онъ занимался портретною живописью, познакомился съ извѣстнымъ въ Америкѣ Механикомъ Вильямомъ Генри, который уговорилъ его быть Историческимъ живописцемъ; Вестъ принялъ сей совѣтъ, и первая картина его въ семь родѣ была: *смерть Сократа*, которую Механикъ Генри читалъ ему изъ Плутарха. —

Въ 1760 году онъ прибылъ изъ Филадельфіи въ Ливорно, а опшуда въ Римъ, гдѣ познакомился съ извѣснѣйшими художниками Бапшони и Менгсомъ. — Изъ Рима побѣжалъ онъ во Флоренцію, въ коей безусыпно занимался работою, съ потерею даже своего здоровья. Послѣ того жилъ онъ во Франціи и Англии, гдѣ былъ старшиной въ обществѣ художниковъ (Society of Artistes), которое чрезъ при года переименовали въ Королевскую Академію. Въ это время Вестъ сдѣлался извѣснымъ покойному Королю Георгу III, который препоручилъ ему написать Регула. Сія картина была первою изъ

выставленныхъ при торжественномъ открытіи Королевской Академіи въ 1772 году. Потомъ Вестъ пожалованъ былъ Королевскимъ Историческимъ живописцемъ и надзирателемъ картинъ Георга III. Въ 1791 году избранъ онъ Президентомъ помянутой Академіи и членомъ Общества любителей Древности (Society of antiquaries), также Флорентійской Академіи, Национальнаго Парижскаго Инспитута, Философическаго Общества въ Филадельфіи, Наукъ и художествъ въ Бостонѣ и Новомъ Йоркѣ

При старости своей написалъ Вестъ двѣ картины, которыя доказываютъ величайшую силу вымысла и пламенной кисти. Одна изъ сихъ превосходныхъ картинъ изображаетъ Пилата, показывающаго народу Христа Спасителя; а другая Спасителя, исцѣляющаго хромого.

Вестъ умеръ на 82 году своей жизни, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, которымъ досталось богатое наслѣдство, состоящее изъ прекрасныхъ картинъ его кисти, также работъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ, особенно Тиціана. Всѣ картины, принадлежащія наслѣдникамъ Веста, цѣнятся во 100,000 фунтовъ стерлинговъ.

Г... К...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

а) *Иностранная Словесность.*

(Отрывокъ изъ библиографическаго обозрѣнія новѣйшей Французской Литтературы, 1820 года.)

Исторія,

Въ Парижѣ вышло недавно сочиненіе подѣ названіемъ: *Essai sur l'Histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie*. Эта книга посвящена Императору Александру. Сочинитель ея *Маркизъ де Кастельно*. Въ ней находится; Статистическое обзорѣніе Губерній составляющихъ Россію; потомъ исторія основанія города Одессы, съ описаніемъ цвѣтущей торговли и внутренняго ея устройства, и наконецъ путешесвіе въ Крымъ, съ особеннымъ обзорѣніемъ хлѣбопашества и торговли того края.

— Вдова Генерала Дюранда, (*Durand*) которая находилась въ свитѣ бывшей Императрицы Маріи Луизы, написала книгу подѣ названіемъ: (*Mes souvenirs sur Napoleon, sa famille et sa cour,*) Мои воспоминанія о Наполеонѣ, его фамилии и Дворѣ; эта книга почищается публикой весьма интересною; — она напечатана уже вторымъ изданіемъ.

У книгопродавца Бодуина явилась такъ же книга: Исторія Англійскаго Парламента (*Histoire du Parlement Anglois*) съ начала его основанія, отъ 1234 года до 7 года Французской Республики. — Хотя содержаніе этой книги относится болѣе къ Подитикѣ, нежели къ Исторіи; но она тѣмъ замѣчательна, что сочинителемъ ее почищаютъ Людовика Боунапарна; а печатаніе иждивеніемъ Наполеона. Впрочемъ въ достовѣрности сего сомнѣваются; а въ *Gazette de France* отъ 29 Апр. н. с. пишуть, что въ журналѣ *Diario di Roma* напечатано письмо къ редактору

журнала *Constitutionell* отъ Людовика Боунапарта, въ которомъ онъ удивляется смѣлости того, кто подъ его именемъ издалъ *Исторію Англійскаго Парламента*.

Біографія.

Сочиненія Вольшера можно назвать камнемъ прешкновенія, которымъ онъ заградилъ дорогу къ дальнѣйшему образованію. — Хотя многія изъ его произведеній почитаются противными разуму и Закону; но тѣмъ болѣе книгопродавцы обогащаются изданіемъ Вольшера. Творенія его находятся во всѣхъ библіотекахъ; — и кто бы не пожелалъ, читая сочиненіе Вольшера — узнать такъ же и приватную жизнь его, хотя бы она заключала въ себѣ весьма малый изъ оной ошривокъ. И такъ къ угожденію Французской публики вышло недавно сочиненіе: *Приватная жизнь Вольшера и 6-ти Дюшательевъ*, написанная авторомъ Перуанскихъ писемъ; она заключаетъ въ себѣ шестимѣсячное пребываніе сего Писателя въ Циреѣ. — Но болѣе всего занимаешь публику Вольшерово переписка, состоящая изъ 50 писемъ, которыя еще ни гдѣ не являлись въ печати. — Еще вышла въ Парижѣ книга: *Жизнь Дофины* — мапери Людовика XIV (*Vie de Mad. la Dauphine, mère de S. M. Louis XIV.*) Подъ симъ названіемъ Аббатъ Викаръ, членъ Французской Академіи, изобразилъ планъ воспитанія, который мать Людовика собственною рукою писала для Дофина, царствовавшего подъ именемъ Людовика XIV. — Къ этому сочиненію

также прибавлена и надгробная рѣчь, говоренная Епископомъ Сенскимъ надъ прахомъ сей Государыни.

Новѣйшія путешествія. Баронъ Эскалле исполнилъ ожиданіе друзей своихъ, описавъ свое долговременное пребываніе въ обѣихъ Индіяхъ. Оно напечатано подъ названіемъ: Записки путешествій и пребыванія въ обѣихъ Индіяхъ (Memoires des voyages et sejours dans les deux Indes.) Въ сочиненіи семъ примѣчательнѣе прочаго морское его путешествіе, основаніе колоній, ихъ управленіе, политическое положеніе оныхъ, и успѣхи просвѣщенія у разныхъ тамошнихъ народовъ.

О Нѣмецкой комедіи.

Нѣмецкая комедія послѣ смерти Коцебу приходитъ, кажется, въ упадокъ. Эпошъ драматическій Писатель почивался неистощимымъ въ разнообразности характеровъ и Комическомъ изобрѣшеніи. Нѣкоторые изъ его комедій, какъ то: Pagenstreiche и die deutschen Kleinstädter, удержатся еще долгое время въ репертуарѣ Нѣмецкой сцены, потому что онѣ могутъ служить богатымъ источникомъ для остропы, характеровъ и положеній. — Теперь кажется Мюлнеръ наследуетъ этому неистощиму Писателю. Онъ иногда слишкомъ близко подражаетъ Коцебу; Комедіи Мюлнера: Die Vertrauten и die grossen Kinder написаны съ большимъ успѣхомъ и вкусомъ, хотя обѣ онѣ взяты изъ Французскаго Театра. — Г-жа Вейсентурмъ, Г-нъ Шшейгеншешъ, Кастелли,

Ф. Гелль и Гейнъ, не смотря на то, что менѣе имѣютъ творческаго таланта и силы, нежели Коцебу, приобрѣли также всеобщее уваженіе Германцевъ — Мы еще должны упомянуть о Юліи Фоссѣ, которой доставилъ Нѣмецкому Театру нѣсколько удачныхъ фарсовъ и небольшихъ комедій. Публика отъ его таланта много ожидаетъ въ послѣдствіи. — Въ гуморическомъ родѣ комедіи, Бейерле кажется превзошелъ всѣхъ нынѣ драматическихъ Писателей. Его *Staberl* и *Prima Donna* могутъ служить высокими комическими оригиналами, хотя происшествія и характеры болѣе принадлежатъ одному мѣсту; совсѣмъ тѣмъ, они выразительны и правдоподобны. — Въ сѣверной Германіи его менѣе уважаютъ; но это происходитъ отъ различія въ образѣ мыслей и нравовъ.

О древней Германской Писательницѣ.

Въ Газетѣ (*Nordalbingische Blätter*) издаваемой въ Гамбургѣ Г. Винфридомъ между прочимъ есть жизнеописаніе одной старинной Нѣмецкой Писательницы, Росвиты (*Roswitha*) и переводъ стиховъ ея съ Латинскихъ гекзаметровъ на Нѣмецкій языкъ. Они содержатъ въ себѣ: основаніе монастыря въ Гандерсгеймѣ, гдѣ Росвита была монахиней и пѣла на лирѣ въ уединенной кельи при подошвѣ Гарцскихъ горъ, въ концѣ X столѣтія, когда въ Германіи кромѣ птицъ лѣсныхъ никшо не занимался еще пѣснопѣніемъ (Золотой вѣкъ!) Она сочиняла на Латинскомъ языкѣ

и, подражая Теренцію, написала нѣсколько Комедій; также многія стихотворныя повѣсти, и похвальную пѣснь Опшонамъ.

6.) *Художества.*

Теперь обращаетъ на себя вниманіе гравированный Генрихомъ Гупшенбергомъ съ картины Руана эстампъ, представляющій Наполеоновъ бивакъ при Ваграмскомъ сраженіи.

Городъ Ваграмъ взявъ былъ вечеромъ предъ сраженіемъ, — Наполеонъ старался всѣ силы свои сдвинуть къ одному центру, гдѣ онъ тогда находился, отсюда на пушечной выстрѣлѣ отъ города. Съ опущенными руками, — склонивъ непокрытую голову свою, Наполеонъ дремлетъ предъ разведеннымъ огнемъ на бивакахъ — сидя на соломенномъ стулѣ и одѣтый въ простой армейской сертукъ; одна нога его покоится на худой скамьѣ, гдѣ лежатъ такъ же шляпа и карта сраженія. Въ кругъ его стоитъ группа Генераловъ въ живописномъ положеніи — освѣщаемая луной и огнемъ сторожевымъ. На переднемъ планѣ раскинута также свита Наполеона въ различныхъ положеніяхъ, и между прочимъ Мамелюкъ Русанъ, завернувшись въ космашую бурку, лежитъ у ногъ своего повелителя и бдительно смотритъ на окружное мѣстоположеніе; служители Буонапарта кладутъ въ дорожные ящики блюда и шарелки, разбросанныя на правѣ около бивака. Вдали собираются грозныя ополченія

кѣ назначенному центру; тамъ видны еще при свѣтѣ луны дымящіяся деревни. Таковъ эстампъ Г. Гушпенберга: всѣ фигуры имѣютъ отличительную выразительность, и лица ихъ выгравированы очень сходственно съ портретами Генераловъ и Маршаловъ Наполеона. Художникъ этотъ гравировалъ много эстамповъ, которые заслужили всеобщее одобреніе публики. Онъ большую часть своей жизни провелъ въ Парижѣ, и занималъ между Французскими гравѣрами отличное мѣсто; возвращаясь изъ Франціи — въ отчизну свою въ городъ Нюренбергъ, онъ скончался въ 1818 году.

Граверъ Г. Ульмеръ, достойный ученикъ славнаго Мюллера, вырѣзалъ на мѣди съ Цецилію съ картины Миньяра; эту работу дорого цѣнятъ любители сего искусства. Онъ такъ же прудился надъ большимъ эстампомъ съ картины Лессюера, и портретомъ Великаго Герцога Гессенскаго.

Въ Парижѣ выспазлена бронзовая модель, конной статуи Гейнриха IV, которую компоновалъ Г. Лемонтъ. — Оригиналъ будетъ въ четыре раза болѣе модели. Такъ же окончаны Лемонтъ два барельефа, которые должны украшать подножіе Генриха IV. Они представляютъ вѣздъ сего Государя въ столицу Франціи.

Скульпторы Пюжель и Спубинскій окончили двѣ колоссальныя фигуры, представляющія рѣки Марну и Сену, которыя будутъ украшать бассейнъ на передней фасадѣ Тампля.

М У З Ы К А.

(Изъ Италіи.)

Въ Бергамо играли новую Оперу: *Alfredo il grande*, композиціи Г. Майерса; она принята Итальянской публикой съ великою похвалою, особенно во 2-мъ дѣйствіи превосходная сцена Барда, котораго арія почитается мастерскимъ произведеніемъ Г. Майерса.

Россини *Ciro in babilonia* и Майерса помянутая Опера играны были въ продолженіи всего карнавала.

Миланъ, 15 Марта. Въ Миланѣ на театрѣ Alla Scalla также игранъ былъ недавно новый героическій балетъ: *Alessandro nell'Indie* — сочиненіе Сальвашора Вигано.

Въ Миланѣ съ недавняго времени завѣдено Филармоническое Общество подъ названіемъ: *Gli Orfei*, котораго цѣль состоитъ усовершенствовать и облагородить вкусъ музыки, образоватъ хорошихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, показатъ настоящую пользу и превосходство инструментальной музыки.

Явленіе Ромберга въ Миланѣ дѣлается какъ бы музыкальною эпохою въ этомъ городѣ. Его называли Пиганиномъ на віолончели (*).

Капельмейстеръ Майеръ сочинилъ въ Бергамо новую Орапорію: *Atalio*, которая назначена для театра Св. Карла въ Неаполь.

Пишутъ изъ Лондона, что славная пѣвица Г-жа Мара, которой 70 лѣтъ отъ роду,

(*) Пиганини, первый аршистъ на скрипкѣ въ Италіи.

давала концертъ въ залѣ Королевскаго театра. Пѣніе ея было только эхо прежняго искусства, силы и выразительности; — голосъ ея уподоблялся — числой кристальной струѣ, оставшейся отъ истекшаго водопада. Она еще удивляла публику своими прелями: — особенно понравилась слушателямъ известная арія: *What though I trace*, которая была привлекательна прослопой своей — и напоминала намъ старую Англійскую школу.

Любопытныя извѣстія.

Славный путешественникъ Бельзони, по десятилѣтнемъ путешествіи возвратился въ Лондонъ. Пять лѣтъ занимался онъ изысканіемъ древностей въ Египтѣ и Нубіи. Славный алебастровой саркофагъ, найденный въ Фивахъ, и обелискъ Александрійскій — привезены имъ на корабляхъ въ Англію. — Дневныя записки путешесивія Г. Бельзони по Нубіи, Египту и Красному морю, выдушъ въ непродолжительномъ времени изъ печати.

Въ одной залѣ, принадлежащей Римской Академіи живописи, показываютъ черепъ Рафаэля, которой сохраняется тщательно въ богатомъ футлярѣ. — Сперва онъ находился въ комнатѣ, гдѣ упражняются въ рисованіи; но молодые художники забавлялись надъ сею драгоценностію и черпили на немъ карандашемъ и красками.

Библіотека Турецкаго Султана состоитъ изъ 1294 манускриптовъ, по большей части на Арабскомъ языкѣ, или переведенныхъ съ Турецкаго и Персидскаго. — Содержаніе манускрип-

повѣ: Теологія, Юриспруденція, Философія, Естественная Исторія, Грамматика, и Изящныя Искусства.—Спрсеніе бібліотеки крестообразно и вѣ ширину очень узко, вѣ срединѣ возвышается куполѣ—свѣтлѣ падаетлѣ сѣверху на мраморныя колонны зданія и освѣщаетлѣ очень хорошо шкапы бібліотеки, кошорыхлѣ не болѣе 12ти;—книги лежатлѣ одна на другой и на обрѣзѣ листовлѣ обыкновенно означенлѣ бываетлѣ ихлѣ пишулѣ. Вѣ сералѣ есть нѣскольکو бібліотеклѣ Султана; но входлѣ вѣ оныя запрещенлѣ любопытнымлѣ.

Вѣ Эрфуртѣ выдумана недавно новая машина для печанія книглѣ. Она можетлѣ бытъ разнаго размѣра и оппечатываетлѣ вдруглѣ отлѣ 1 до 8 листовлѣ.—Вѣ продолженіи 12 часовлѣ, на какой бы ни было бумаглѣ, ею можно сдѣлать 7000 опписковлѣ, и слѣдовательно печатая по 8 листовлѣ вдруглѣ, вѣ помянутыя часы опписнуть 56000 листовлѣ сѣобѣихлѣ сторонлѣ. Машина приводится вѣ дѣйствіе одною лошадыю. При накладываніи и сниманіи листовлѣ должно бытъ премлѣ человѣкамлѣ. Машина безопасна, проста и не требуетлѣ большихлѣ издержеклѣ.

Вѣ Варшавѣ вышеллѣ новый журналлѣ подлѣ названіемлѣ: *Мізида*,—технологическаго содержания.

Г. Гуа, окончиллѣ спашую Тюреня, которая должна украшать мостлѣ Людовика XVI; эполтлѣ же художниклѣ выставиллѣ свои новыя произведенія вѣ Парижѣ: *внѣтіе со Креста* и *вѣ раковинѣ сплѣзцію Ниллѣфу*.

Вѣ Парижѣ 31 Марша умерлѣ извѣстный Архитекторлѣ Бальцаклѣ, который извѣстенлѣ

былъ снятіемъ прекрасныхъ рисунковъ съ Египетскихъ памяшниковъ. Кромѣ множества прожектированныхъ плановъ и фасадовъ, оставилъ онъ собраніе своихъ стихотвореній, также большую комедію въ стихахъ и многіе манускрипты.

Теперь печашается въ Лондонѣ: Путешествіе изъ Калькуты въ Вавилонъ, вдоль береговъ Тигра и Ефрата. Твореніе это украсится картами и эстампами, копорые представляющъ видъ развалинъ Вавилона и много другихъ близъ онаго находящихя памяшниковъ, — также недавно изъ подъ земли выкопанное Арабами древнее зданіе. — Сочинитель путешествія есть Г. Локептъ, Капитанъ въ службѣ Остъ-Индской Компаніи, извѣстный по изданію Комментарій объ Арабскомъ Синтаксисѣ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Недавно публикѣ нашей показался новый феноменъ на сценѣ Русскаго театра: *Обрѣва собака*, Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Хотя нашъ репершуаръ обиленъ эпими пасынками Тали и Мельпомены; но всё еще замѣщаютъ его *Сиротами*, *дѣтьми Дрозосѣковъ*, *Викторами* и проч. вездѣ *Разбойники*, *Хижиньы въ дремучемъ лѣсу*, *Нѣмые прелестныя мальтики*, *бронзовыя* (изъ карпону) *головы*, *мостики* и *подземелья*; все кажется истощено было драматическими Гераклипами, для чувствительныхъ сердецъ прекраснаго пола. — Недоставало собаки, да огромныхъ деревянныхъ башмаковъ, копорые надѣляли шуму

болѣе, нежели вся эта пѣса. Какъ бы то ни было, но Драма принята съ восхищеніемъ и Обрѣева собака была примѣрнымъ бенефисомъ на нашемъ театрѣ. Тромпетъ (имя собаки) сыгралъ роль свою очень хорошо, особенно во 2 дѣйствіи, и имѣетъ смыслъ болѣе, нежели нѣкоторые изъ людей какъ сказалъ Рамазановъ) — хотя это очень обидная истина; но къ несчастію надобно ей повѣрить. Сюжетъ этой пѣсы выбранъ изъ стариннаго рыцарскаго анекдота; рассказать его было бы лишнее. Любопытные могутъ такъ же прочитать стихотвореніе Гекинга (Der getreue Hund). Ходъ пѣсы довольно обыкновенный (выключая развязки, которая происходитъ отъ смышленаго тромпета и шарфа съ кровавымъ пятномъ.) Все прочее повтореніе старыхъ задовъ: и коварный злодѣй, и лепетунья трактирщица и нѣмой излѣтній Элоа (а на нихъ теперь большая мода. —) Спранно, что на такого младенца пало подозрѣніе Капитана и Сенешаля, которые почитали его за убійцу Обри — дюжого рыцаря, въ двое шире и выше Элоа. Маленькія ручки нѣмаго не могли бы сладить не только съ дубиной, но и съ посредственнымъ ружьемъ. Я бы совѣщовалъ играть Элоа комунибудь изъ молодыхъ Актеровъ, (роль эта не ошягошитъ памяти!!) и совѣщомъ шѣмъ было бы болѣе правдоподобія. Представленіе шло посредственно. Рамазановъ довольно веселилъ публику; но воздушный полетъ его на веревкѣ былъ, кажется, не у мѣста; — это механическое изобрѣшеніе поберечь бы должно для Русалки или Чершовой мельницы.

И такъ пожелаемъ успѣха и Драмамъ ; разнообразіе избавляетъ отъ скуки: Diversité, c'est ma devise, сказалъ Лафонтенъ. — Не всегда можно находить удовольствіе въ балетахъ и операхъ; они превосходны, но иногда упоминаютъ и слухъ и зрѣніе...

Г. Кр. вб.

VII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Ф р а н ц і я.

Парижъ 28 Апрѣля, н. с. Мирза-Абдулъ-Гассанъ Ханъ чрезвычайный Персидскій Посланникъ, имѣлъ вчера у Короля аудіенцію.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи Палаты разсуждаемо было о таможенныхъ пошлинахъ. Она отвергла предложеніе Г Басперрега, касательно уменьшенія пяти франковъ на сахаръ привозимый изъ Французскихъ колоній; и утвердила тарифъ представленный Правительствомъ. Проектъ закона относился къ тому, чтобъ позволить привозъ иностранныхъ кашемировъ и тканей. Коммисія желала уничтожить запрещеніе на ввозъ оныхъ; но Генераль-Директоръ надъ таможенными былъ противнаго мнѣнія, и предалъ то на разсужденіе Палаты, которая утвердила существующее запрещеніе.

На сихъ дняхъ также было разсуждаемо въ Палатѣ о трехъ прошеніяхъ, касательно удаленія Деказа изъ Министерства; два изъ сихъ прошеній были представлены — одно отъ

жителей нижних Альпов, а другое отъ гражданъ города Вара, но они должны быть сочиненіемъ одного частнаго человека: форма и качество бумаги совершенно одни и тѣже; оба прошенія были адресованы Гг. Депутатамъ въ Парижѣ; самый почеркъ письма одинъ и тотъ же.

А н г л і я.

Лондонъ 25 Апрѣля, н. с. Новый Парламентъ, который будетъ первымъ въ царствованіе Георга IV. и седьмымъ отъ соединенія Королевствъ Великобританіи и Ирландіи, вчера имѣлъ собраніе въ Вестминстерѣ. Онъ былъ открытъ Комиссарами назначенными отъ Короля, въ комнатахъ верхней палаты, гдѣ были соединены какъ Палата Лордовъ, такъ и Депутатовъ. Прежде всего въ семъ засѣданіи приступлено было къ избранію Оратора, которымъ единогласно назначенъ почтенный Карлъ Маннеръ Султонъ.

И с п а н і я.

Мадридъ 28 Апр. н. с. Король объявилъ, чтобъ въ Провинціяхъ собраны были предварительныя Юншы, для избранія Депутатовъ къ Кортесамъ. Полагающъ, что онъ уже учреждены во всемъ Королевствѣ.

Въ Мадридѣ царствуетъ совершенное спокойствіе.
